

АВА ХОУП

Овертайм

18+

Ава Хоуп

Овертайм

Серия «Невозможно устоять.
Горячие романы Авы Хоуп»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68953980

Овертайм: SelfPub; М.; 2023

ISBN 978-5-04-192954-1

Аннотация

Книги Авы Хоуп – это чувственные истории о любви, в которой нет места токсичности и предательству, ее герои настолько легкие и веселые, что счастливый финал им непременно гарантирован.

Эбигейл

Знаменитый капитан хоккейного клуба «Орлы Лос-Анджелеса» – именно тот, о ком я грезилa в своих мечтах на протяжении семи лет. В реальном мире он оказался кретином, страдающим нарциссизмом. Это должно было оттолкнуть меня, если бы не одно «но»: целый год нам предстоит жить под одной крышей. Есть ли у меня хоть малейший шанс на победу в этой сложной битве с собственным сердцем?

Рид

До встречи с этой горячей фигуристкой я точно знал, чего ожидать от завтрашнего дня. А теперь моя жизнь похожа на хаос. Кажется, я готов бросить все, потому что хочу ее. Вот только она упорно продолжает делать вид, что не заинтересована. Что ж, я дам ей время, а затем перейду в атаку. Ведь чем сложнее игра, тем слаще вкус победы. Но вдруг у меня нет шансов даже в овертайме?

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	64
Глава 8	75
Глава 9	84
Глава 10	92
Глава 11	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ава Хоуп Овертайм

*Мамонты не вымерли.
Они вселились в тела хоккеистов.*

© Хоуп А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

FIGHT THE FADE – DEVIL

Эбигейл

Февраль 2022 года. Турин, Италия

Сейчас не лучший момент для знакомства, но эта рыдающая блондинка с размазанной на половину лица тушью – я, Эбигейл Уильямс. Другого времени познакомиться может и не быть, потому что, кажется, я скоро умру.

Думаю, у меня Юстинианова чума.

Да, я уверена, что смертельно больна. И заразна.

И раз я чертовски заразна, в мои планы не входит куда-то выходить из своего гостиничного номера до окончания Олимпийских игр.

Ну если я не умру раньше, естественно.

Вместо того чтобы присоединиться к остальным фигуристам сборной Канады, отправившимся в ресторан для празднования итогов Олимпиады, я сразу же поднялась к себе в двухкомнатный люкс, где вот уже целых два часа лежу на большом пушистом диване посреди комнаты и жалею себя.

Мой телефон разрывается от звонков и невероятно раздражает меня, поэтому я ставлю его на авиарежим и бросаю

на круглый стеклянный журнальный стол у дивана.

Какого черта всем понадобилось от умирающего человека?

Со мной точно что-то не так. Моя голова раскалывается, будто кто-то бьет по ней молотком.

А, нет, это просто кто-то стучит в дверь.

– Уходите! У меня Юстинианова чума! – громко кричу я.

– Эбби, этот вид чумы закончился в середине восьмого века. Открывай, – усмехнувшись, просит мой брат, стоящий по ту стороны двери.

Гребаный умник.

А то я не знаю, что Юстиниан Великий был византийским императором до 565 года.

– Значит, Эбола! – снова кричу я, не собираясь сдаваться. – Я не могу тебе открыть. Не заставляй меня так поступать с тобой! Ты еще слишком молод, чтобы умирать!

– Эбс,пусти меня, – настаивает Эштон.

Выругавшись, запрокидываю голову к потолку и, с громким стоном подняв свою задницу с дивана, направляюсь к двери.

Как считаете, есть ли хоть малейший шанс, что брат не узнает меня и, решив, что ошибся номером, уйдет? Ведь мое лицо определенно очень сильно опухло, учитывая, что я реву уже два часа. И тушь размазана вокруг глаз большими пятнами, словно по дороге в номер я побывала на детском празднике, где аниматор сделал мне аквагрим панды. Вдо-

бавок ко всему вышеперечисленному мой образ дополняют спутанные после выступления волосы, наспех собранные в дульку бомжа.

Набрав полные легкие воздуха и шумно выдохнув, сдаюсь и открываю дверь.

– Какого хрена ты игнорируешь меня? – наклонив голову, спрашивает прислонившийся к стене напротив моего номера Эштон, глядя на меня своими светло-голубыми глазами.

Эти глаза цвета льда – единственное, что делает нас с братом хоть немного похожими. Во всем остальном мы настолько разные, что нас постоянно спрашивают, кто из нас приемный. Я блондинка, он брюнет. Я достаточно миниатюрна, в то время как брат огромен. При своем довольно немаленьком росте в сто шестьдесят шесть сантиметров я едва достаю Эштону макушкой до плеч, его рост около ста девяноста пяти сантиметров. Вот и сейчас он разговаривает со мной свысока, что за несправедливость? Бесит!

– Советую тебе тщательнее подбирать слова! Возможно, мне осталось жить всего несколько минут или даже секунд! – срываюсь на крик, раздосадованная тем, что он все-таки узнал меня.

– Иди сюда. – Братец протягивает свои мускулистые, как у Халка, руки и ловит меня в объятия. – Мне жаль, что Дилан так поступил.

Господи боже!

Серьезно?!

Обязательно было упоминать этого придурка?

Он же бросил меня!

Ну не в том смысле, что расстался со мной, боже упаси!

Мы с Диланом не пара. Мы партнеры на льду и друзья. Не вздумайте убеждать меня, что дружбы между парнем и девушкой не бывает. Я даже не хочу спорить на эту тему и скажу лишь, что лично я не влюблена в него как в мужчину. И никогда не была. Он мне как брат. И я точно не планирую быть замешанной в инцесте. Аминь.

Хотя если вдруг Netflix решит снять про меня сериал, то есть вероятность, что мне придется быть замешанной в чем-то и похуже, потому что от этих ребят реально можно ожидать чего угодно.

Но, может быть, все не так уж и плохо: до сегодняшнего дня моя жизнь была самой обыкновенной драмой, а теперь ее определенно могут экранизировать в жанре ужасов.

Уже представляю: действие начинается с того, как я перерезаю горло Дилану лезвием своего конька, а затем выясняется, что мое тело украл один из демонов Люцифера.

Отпад.

Вообще-то демонам даже не пришлось бы красть мое тело. Я бы с огромным удовольствием позволила какому-нибудь посланнику ада вроде Мейзикин¹ занять мое тело, но при условии, что свою убийственную деятельность она нач-

¹ Мейзикин – демон из телесериала «Люцифер», покинувший ад вслед за дьяволом.

нет с моего гори-в-аду списка, в котором первое почетное место теперь, как вы уже догадались, занимает Дилан, мать его, Пирс.

Хотя как бы вы могли догадаться, если не знаете, что он сделал.

Итак, этот день должен был стать лучшим в моей жизни, ведь я мечтала об Олимпиаде семь лет! И вот наконец нас с Диланом отправили представлять Канаду в Турине на зимних Олимпийских играх. Волновались ли мы? О да, еще как. Несмотря на то огромное количество чемпионатов, что мы выиграли, Олимпиада казалась нам чем-то недостижимым. Семь лет назад мы с Пирсом чуть ли не поклялись на мизинчиках, что будем кататься вместе, пока не завоюем олимпийское «золото».

Так, ладно, сейчас будет спойлер!

Если вы думаете, что нас засудили или кто-то выступил лучше нас, то вы ошибаетесь. Мы не нарушили своих клятв и стали олимпийскими чемпионами, стояли там на пьедестале под гимн нашей страны, довольные собой и счастливые. Именно таким воспоминанием мне бы хотелось потом делиться с детьми, их детьми и детьми детей моих детей. Ну вы поняли.

А потом этот кретин все испортил!

Во время пресс-конференции, на которую мы отправились после награждения, Дилан игнорировал вопросы журналистов о планах на следующий сезон, а затем просто взял

и сообщил на весь мир, что он уходит из спорта и это были наши последние соревнования в качестве пары.

Нет, я уважаю его решение уйти, я же не бессердечная, заносчивая, эгоистичная стерва. Но у него ведь есть рот! Дилан мог бы открыть его и поговорить со мной, прежде чем заявить на весь мир, что бросает меня!

Помните, я говорила, что мы с ним друзья?

О, забудьте. Никакие мы, к черту, не друзья!

Наверное, я уже тогда была больна, поэтому у меня были галлюцинации.

Конечно, мы поговорили после пресс-конференции... Ну разговором, конечно, это сложно назвать, потому что в основном я орала, а он мямлил какую-то чушь собачью вроде того, что Вероника, его жена, беременна, и после четырехмесячного тура, что мы запланировали еще месяц назад, они вернутся в Лондон растить детей в доме его матери.

И бла-бла-бла.

Это все, конечно, прекрасно, вот только у меня возникло несколько вопросов.

Во-первых, у Дилана нет ничего общего с персонажем Арнольда Шварценеггера из «Джуниора»², так каким же образом карьера Пирса помешает его жене выносить ребенка?

Во-вторых, что Пирсы имеют против контрацепции? Ну

² Персонаж Арнольда Шварценеггера из «Джуниора» – Доктор Алекс Хесс – персонаж американского кинофильма «Джуниор», который вынашивает ребенка в рамках эксперимента.

правда, кто заводит детей в двадцать один год?!

И, наконец, в-третьих, какова вероятность, что кто-нибудь из представителей Netflix решит экранизировать мою жизнь в ближайшее время? Потому что я больше не хочу ждать ни минуты.

Сегодня же закажу себе футболку с печатью «Черт бы тебя побрал, Дилан Пирс!» и сяду в ней собственноручно писать сценарий своего собственного фильма ужасов, сюжет которого будет походить на день сурка: весь фильм я буду убивать этого говнюка одним лишь взглядом, а потом, когда мне снова захочется убить его, оживлять. И так весь фильм!

– Пойдем в бар, – неожиданно предлагает брат, прерывая мой внутренний монолог.

– В бар? – переспрашиваю я.

– Тебе ведь сегодня двадцать один, – напоминает Эштон, разрывая наши объятия, а затем проходит в номер и закрывает за собой дверь.

Что может быть хуже, чем умереть в день своего рождения?

Ммм... дайте-ка подумать. Наверное, умереть в день своего рождения от редкой острой вирусной высококонтагиозной болезни.

– Я не могу пойти! У меня Эбола! – снова кричу я.

Он что, оглох?

– Эбби, Эбола передается в результате тесного контакта с биологическими жидкостями шимпанзе или фруктовых ле-

тучих мышей. А ты не была в регионах их обитания, – с умным видом заявляет братец, пока я в удивлении смотрю на него.

Фруктовая летучая мышь? Что?

Кажется, он что-то принял.

– Поторопись, у меня есть для тебя сюрприз, – как ни в чем не бывало продолжает Эштон.

Мой брат – та еще заноза в заднице. Так что, решив больше не спорить с ним, молча плетусь в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Глава 2

THE WHITE STRIPES – SEVEN NATION ARMY

Рид

Тремя часами ранее

Из динамиков звучит попсовая песня Селены Гомес, пока я направляюсь к своему месту на ВИП-трибуне ледового дворца «Турино Пьемонт». Большая ледовая арена залита ярким белым светом, и многочисленные зрители уже расположились на трибунах в ожидании начала заключительного этапа танцев на льду.

– Ну просто охренеть! – восклицаю я.

Все происходящее действительно можно обобщить лишь одним словом – «охренеть».

Находиться на Олимпиаде со своей семьей – охренеть как здорово. Вчера сборная Канады по хоккею выиграла «золото», а я при этом сделал хет-трик³ – охренеть как круто. И, наконец, я сижу на фигурном катании – охренеть как странно.

Если бы еще вчера мне кто-то сказал, что я буду смотреть

³ *Хет-трик* – серия из трех забитых игроком шайб за одну игру, не прерываемая шайбами, забитыми другими игроками.

фигурное катание, я бы засмеялся этому человеку в лицо, потому что: а) настоящие мужчины играют в хоккей; б) смотреть на мужика в обтягивающем блестящем костюме, катающегося под «Времена года» Чайковского, – долбаный мазохизм.

Представьте на мгновение, каким должен быть настоящий мужчина. Кто-то скажет, что романтичным, другие скажут, что смешным, или умным, или богатым. Но каждая девушка определенно хочет быть со своим мужчиной в безопасности, чтобы как за каменной стеной. То есть мужчина должен быть каким? Правильно – сильным!

Схватываете на лету.

Вот возьмем Джейсона Стетхэма. Сильный? Сильный.

Или старого доброго железного Арни⁴ – настоящий мужик!

А теперь давайте напаялим на него эту забавную рубашку в цветочек и такие же цветастые лосины, как на том хилом парнишке, что сейчас делает какие-то ужасные вращения на льду. Ну что, Арнольд Шварценеггер по-прежнему создает впечатление настоящего мужчины?

Надеюсь, вы поняли, о чем я здесь толкую.

– Рид, следи за языком! – сверлит меня взглядом Джессика, моя сестра-близнец, закрывая при этом уши Элизабет.

– Извини, – беззвучно шевелю губами.

Ну как вы уже догадались, Рид – это я, а Элизабет – моя

⁴ Железный Арни – Арнольд Шварценеггер – киноактер.

племянница, та малышка с длинными светлыми кудрявыми волосами и большими зелеными глазами, которая сидит рядом со мной.

Едва Лизи исполнилось четыре года, Джессика привела ее в фигурное катание. Пока девочки ее возраста обожают каких-то уродских кукол с огромными глазами⁵, Элизабет мечтает стать Эбигейл Уильямс. Только по этой причине я и оказался здесь, ведь куда проще поверить, что Кеннеди убили зеленые человечки, чем отказать в чем-то пятилетке.

Элизабет восхищенно смотрит на лед, и я пытаюсь следовать ее примеру.

Меня хватает секунд на пять.

Как это вообще можно смотреть? Ну просто скука смертная.

Можно сразу же как-то перемотать к тому моменту, когда на льду появится горячая блондинка?

Бросаю еще один скучающий взгляд на ледовую арену и достаю телефон.

– Ва-а-а-ау! – восклицает Лизи, увидев в моем телефоне фотографию Эбигейл. – Какая она красивая!

Что ж, не могу не признать, что у моей племянницы отменный вкус. Не имея ни малейшего желания следить за тем, что происходит на льду, я решил ее погуглить. И я вам так скажу: эта фигуристка очень даже хороша.

Правда, учитывая, что я ни хрена не разбираюсь в фигур-

⁵ Куклы с огромными глазами – куклы L.O.L.

ном катании, хороша она для меня не как фигуристка.

Если вы понимаете, о чем я.

Только представьте, в социальных сетях у задницы Уильямс есть свой хештег. Это круто, не правда ли?

Когда диктор объявляет имена Эбигейл Уильямс и Дилана Пирса, Лизи громко визжит и заставляет меня начать снимать происходящее на видео.

Фигуристы появляются на льду, и мне в глаза сразу же бросаются их костюмы, отличающиеся от тех, что я видел у других спортсменов: никаких обтягивающих брюк, пышных юбок, цветастых рубашек. Все достаточно просто: у Эбигейл – черный комбинезон с узором пламени, а у Дилана – черная водолазка с огненными линиями вдоль рукавов и черные брюки.

Начинает звучать музыка, в которой я узнаю один из саундтреков к игре NHL 21⁶. Не верю своим ушам. Это... Интересно.

Ладно, признаю, от того, что происходит на льду, реально захватывает дух. Внимательно слежу за каждым элементом программы на протяжении всего их выступления. Наконец они завершают прокат, и я с шумом выдыхаю, надеясь, что никто и никогда не узнает, что я только что смотрел фигурное катание несколько минут подряд.

После их программы я снова теряю интерес к тому, что происходит на льду, потому что там сейчас катается парень в

⁶ Игра NHL – видеоигра, симулятор хоккея.

черной блестящей рубашке, треугольный вырез которой доходит ему чуть ли не до пупка. Если мои глаза посмотрят на это еще хотя бы секунду, мне захочется выколоть их себе, чтобы больше никогда не видеть подобное.

Так что я захожу в Гугл и продолжаю штудировать его в поисках информации об этой шикарной блондинке.

Ей всего двадцать лет, а она уже стала семикратной чемпионкой Канады и трехкратной чемпионкой мира. Эбигейл – самая юная титулованная спортсменка нашей страны. Она не дает интервью, если это не касается ее спортивных достижений, а также сотрудничает только со спортивными брендами, хотя ей предлагали рекламные контракты различные мировые бренды. Ее рост – сто шестьдесят шесть сантиметров, знак зодиака – Водолей, любимый фильм – «Значит, война»...

О господи, сколько же бесполезной информации можно получить за пару минут в Интернете.

– Рид! Смотри же, сейчас будет награждение! – Элизабет толкает меня в плечо, тем самым заставляя снова начать видеосъемку.

Наши места расположены на балконе, поэтому я сажаю Лизи к себе на плечи и подхожу ближе к краю, чтобы она смогла рассмотреть, что происходит внизу.

Эбигейл и Дилан машут с пьедестала с улыбками на лице, и все трибуны вновь взрываются аплодисментами, криками и визгами. После того как звучит гимн Канады, спортсмены

покидают площадку, чтобы дать интервью.

– Рид, мне звонят по работе, сможешь пока отвести Лизи на автограф-сессию? – обращается ко мне Джессика. – Вернусь, как все решу.

Моя сестра – организатор мероприятий у политиков, звезд шоу-бизнеса и спортсменов. Я прекрасно знаю, что она обязана ответить, потому что ей приходится постоянно быть на связи, чтобы не произошло никаких форс-мажоров.

– Да, конечно, никаких проблем. – Опускаю вниз Элизабет, которая визжит от радости. – Пойдем, гномик!

Мы спускаемся вниз, в фанатский сектор, где я показываю свой пропуск участника Олимпийских игр, и мы без проблем проходим внутрь. Эбигейл и Дилана пока нет, они на пресс-конференции, поэтому у нас есть время, чтобы перекусить.

Заказываю картофель фри и молочный коктейль для гномика и двойную порцию тартара из лосося для себя. Разделавшись с едой менее чем за десять минут, Лизи хватает меня за руку и тянет по направлению к месту проведения автограф-сессии.

Лизи начинает прыгать и визжать, когда олимпийская чемпионка выходит из-за баннера Зимних игр и подходит к своему месту за столом.

После выступления Эбигейл распустила волосы и надела красный спортивный костюм, и, чтоб меня, она просто роскошна! Золотистые волосы длиной ниже лопаток, аккуратный носик и пухлые губы, которые складываются в потряса-

ющую улыбку, адресованную огромному количеству фанатов.

Фигуристка машет всем в знак приветствия, осматриваясь по сторонам. А затем ее взгляд останавливается на мне.

О, я знаю этот взгляд.

Она меня хочет.

И я подмигиваю ей.

Можете сейчас сказать мне, что я самовлюбленный придурок.

Ха. Будто я сам не в курсе.

Эбигейл удивленно приподнимает одну бровь, а затем наш зрительный контакт прерывает Дилан, подошедший к ней.

Когда подходит наша очередь, Элизабет поднимает на меня свои светящиеся от счастья глаза и улыбается. Я улыбаюсь в ответ и пропускаю ее вперед, чтобы она могла обнять Эбигейл.

– Привет, милая. Как тебя зовут? – интересуется у нее блондинка, оставляя автограф на карточке со своей фотографией.

– Лизи! – смущается Элизабет. – А это Рид.

– Приятно познакомиться, Лизи и Рид, – улыбается Эбигейл, вручая ей подписанную фотографию, а затем раскрывает руки для объятий. – Иди скорее обниматься и делать фото!

Лизи громко визжит и буквально падает в объятия фигу-

ристски.

– Давайте я сфотографирую вас вместе, – предлагает Дилан.

Я передаю ему телефон и подхожу к Эбигейл, вставая позади нее. Она стоит ко мне так близко, что я ощущаю, как сладко она пахнет. Ее потрясающий цветочный аромат сводит мои обонятельные рецепторы с ума.

– Готово, – говорит Пирс, возвращая мне телефон, и тем самым выводит меня из странного состояния ароматранса.

– Спасибо, Эбигейл! Ты самая красивая и талантливая фигуристка в мире! – громко кричит Элизабет, а затем еще раз крепко обнимает своего кумира и бежит к Джесс, которая уже ждет нас у выхода.

В мою голову прилетало так много шайб, что, возможно, их суммарное количество достигло какого-то определенного пика, который и повлиял на сотрясение моего мозга и сделал меня слабоумным. Или же я просто спятил. Как иначе объяснить мой следующий идиотский поступок?

Подхожу к блондинке и шепчу ей на ухо:

– Может быть, встретимся позже, чтобы я передал тебе наши фотографии?

Эбигейл пристально смотрит на меня своими большими голубыми глазами, улыбается и спрашивает:

– Хочешь встретиться у тебя?

СТОП. ЧТО?

Такого поворота событий я не ожидал, но кто я такой, что-

бы отказывать даме?

– Я в номере 2013, приходи в девять вечера, – ухмыляюсь я.

Она фыркает и отворачивается, а я, счастливый, направляюсь к выходу.

Глава 3

THE SCORE – UNSTOPPABLE

Эбигейл

Захожу в ванную и резко останавливаюсь, увидев в зеркале свое отражение. Как я и ожидала, выгляжу просто ужасно. Тушь размазана по всему лицу, что вовсе не делает меня милой пандой. Опухшие глаза красного цвета выглядят примерно так же, как у жаждущего крови людской Стефана из «Дневников Вампира». Ну а лицо заплыло так, словно у меня отек Квинке.

Точно!

Эштон все-таки был прав: у меня не Эбола, а анафилактический шок!

Да, да, тяжелая острая аллергическая реакция на мудаков вроде Дилана Пирса. Или Рида, мать его, О'Хара.

Ох уж этот самовлюбленный говнюк.

Рид действительно принял меня за одну из многочисленных хоккейных заек?

Надеюсь, я смогу не думать об этом, когда в следующий раз увижу его на льду.

Рид О'Хара по прозвищу Чемпион – канадский хоккеист,

выбранный американским клубом «Орлы Лос-Анджелеса» на драфте⁷ под общим первым номером. Ему всего двадцать пять лет, а он уже успел стать чемпионом мира и обладателем кубка Стэнли⁸. А вчера, завоевав олимпийское «золото», он стал олимпийским чемпионом и членом Тройного золотого клуба⁹. И самым молодым хоккеистом в истории, взявшим приз лучшему бомбардиру лиги. Он пять раз завоевывал приз лучшему снайперу, а также получил «Лестер Пирсон Эвордс»¹⁰. В двадцать один год он стал капитаном «Орлов» и вошел в число десяти лучших игроков десятилетия.

Я считаю этого лос-анджелесского форварда¹¹, играющего под одиннадцатым номером, величайшим хоккеистом мира. Когда он выходит на лед, мое сердцебиение ускоряется приблизительно до скорости ракеты «Авангард»¹², стартующей в космос. То, что творит этот парень, играя в хоккей, – пол-

⁷ *Драфт* – процедура выбора командами игроков для подписания эксклюзивного контракта.

⁸ *Кубок Стэнли* – хоккейный приз, ежегодно вручаемый победителю плей-офф Национальной хоккейной лиги.

⁹ *Тройной золотой клуб* – спортивный термин, используемый для обозначения хоккеистов, выигравших золотые медали на зимних Олимпийских играх, чемпионате мира и завоевавших кубок Стэнли.

¹⁰ *Лестер Пирсон Эворд* – награда, которая вручается самому ценному хоккеисту года по мнению игроков.

¹¹ *Форвард* – нападающий.

¹² *Ракета «Авангард»* – одна из самых быстрых ракет в мире, скорость которой превышает скорость звука более чем в двадцать раз.

ное сумасшествие. Можете считать меня его яркой фанаткой с того самого дня, когда его задрафтовали «Орлы», ведь я смотрю каждую его игру, знаю всю его статистику и помню каждую забитую им шайбу.

Вы наверняка озадачены и искренне не понимаете, почему же я тогда еще не в номере 2013. Просто как мужчина Рид меня совершенно не интересует.

Будучи его большой фанаткой, я создала в своей голове идеальный образ этого парня. И в мои планы не входило когда-либо вступать с ним в диалог в реальной жизни. Мне не хотелось узнать, какой у него любимый цвет, размер обуви или члена. И мне определенно не хотелось случайно выяснить, что мой самый любимый хоккеист – бабник и лжец, как мой отец. Ну а учитывая тот факт, что несколько часов назад Рид купился на мое предложение прийти к нему, мои опасения не напрасны.

Рид О'Хара определенно избалован женским вниманием и считает, что ему достаточно лишь разок подмигнуть, чтобы девушка упала на его стояк.

К счастью, никакие падения мне не грозят. У меня нет проблем с координацией.

Я же фигуристка, в конце-то концов.

Хоть уже и бывшая.

Не спорю, когда сегодня я увидела Рида, стоящего передо мной, то потеряла дар речи. В жизни он оказался еще прекраснее, чем я себе представляла. Светлые волосы были иде-

ально зачесаны назад, короткая бородка обрамляла прямоугольный подбородок, простые серые штаны «Найк» и белая футболка подчеркивали грудь его мышц, а белоснежная улыбка просто сводила с ума. И я была под впечатлением ровно до того момента, пока он не подошел ко мне и не открыл свой рот.

Озабоченный кретин.

– Эбби, ты скоро? – отвлекает меня от мыслей недовольный голос Эштона.

– Пять минут! – кричу я.

Как же я искусно лгу.

Ну какие, к черту, пять минут?

Мне не хватит и недели, чтобы сделать с этим лицом что-то более или менее приемлемое.

Так, ладно, нужно взять себя в руки, а то вдруг я откину коньки прямо в баре? Я должна хотя бы постараться стать секси.

Выливаю на лицо половину тюбика тонального крема, на скорую руку рисую черные стрелки, а затем прохожусь по контуру глаз золотой подводкой и крашу губы красной помадой. Распустив дульку на голове, наношу на волосы мусс, чтобы зафиксировать локоны. Выхожу из ванной и направляюсь в спальню, где достаю из шкафа короткое золотое платье и на ходу надеваю его. Спешно застегиваю на щиколотках черные босоножки на высокой тонкой шпильке и выхожу в большую светлую гостиную. На мягком диване, на ко-

тором еще несколько минут назад я наслаждалась одиночеством, теперь, развалившись, сидит мой брат, уставившись в плазму. Падаю рядом с ним и заявляю, будто он не в курсе:

– Ненавижу сюрпризы.

– Правда? Никогда бы не подумал, – ухмыляется Эштон. – Но я же сказал, этот тебе понравится. Пойдем.

Во второй раз за день он заставляет меня поднять свою задницу с этого удобного лежбища и потащиться за ним из номера.

Тиран.

Иду вслед за братом по бежевой ковровой дорожке длинного ярко освещенного коридора в сторону лифтов. Эштон нажимает кнопку вызова, и, дождавшись одного из них, мы поднимаемся на сорок второй этаж нашего отеля «Либерти», самого высокого небоскреба Турина, где располагается бар-ресторан «Либерти Пьемонт».

Двери открываются, и мы сразу же оказываемся у барной стойки из темного дуба с золотой столешницей, подсвеченной сверху желтыми огоньками. Благодаря панорамному остеклению отсюда открывается потрясающий вид, который можно оценить, усевшись на черные стулья с ножками из дуба, стоящие вокруг зеркальных столиков у окон. Приглушенный желтый свет гирлянд в форме маленьких шариков, расположенных под деревянными потолочными балками, делает обстановку невероятно интимной и создает ощущение спокойствия. На небольшой сцене в центре зала де-

вушка в красивом черном блестящем платье в пол исполняет кавер на Уитни Хьюстон.

Сейчас здесь не так много посетителей, что очень меня радует, потому что я терпеть не могу людей. И бары. И алкоголь.

Иисусе!

Что я вообще здесь делаю?

Вообще-то, алкоголь в нашей семье – табу. Вот только не делайте поспешных выводов. У меня не было неудачного опыта. Я не напивалась в хлам и не блевала, не страдала от зависимости, не лечилась в рехабе, и меня не насиловали. Не будем вдаваться в подробности, но если в двух словах: у Эштона была жена, Лиза, которую сбил пьяный водитель и скрылся с места аварии. Так что с алкоголем у моего брата связаны слишком хреновые воспоминания. А я все эти годы была его личной группой поддержки. Такая вот история.

Сажусь на высокий черный стул и прошу бармена сделать мне любой коктейль на его вкус в честь моего совершеннолетия. В конце-то концов, должна же я попробовать алкоголь, пока не сдохла!

Брат берет свою газированную воду с лимоном, а я – протянутый барменом коктейль оранжевого цвета с долькой апельсина, и, едва рот Эштона открывается для тоста, как телефон брата начинает вибрировать – на дисплее высвечивается фотография нашей матери.

– Скажи, что не знаешь, где я. – Резко вскакиваю с барного

стула с коктейлем в руке и направляюсь в другой конец бара, чтобы у братца не было соблазна невзначай протянуть мне свой телефон.

Прохожу почти через весь зал и останавливаюсь у окна, наслаждаясь изумительным видом ночного Турина. Снежные хлопья, сияющие в свете полной луны, опускаются с неба на город, освещенный множеством световых инсталляций, специально установленных для проведения Олимпийских игр. Разноцветные крыши маленьких трехэтажных домиков, окружающих отель «Либерти», постепенно окрашиваются снежинками в белый цвет. Хочется тепло одеться, выбежать на улицу и снова стать ребенком, делающим снежных ангелов... Иисусе, что я несу?! Нет! Ни за что бы не хотела снова стать ребенком!

Помните мой гори-в-аду список? Так вот, Дилан Пирс занял в нем место предыдущего неизменного лидера, моего отца.

Мне было четырнадцать, когда мы узнали, что он обманывал нас на протяжении многих лет, скрывая вторую семью. Хотя вряд ли ему вообще знакомо слово «семья».

После развода наша мать перевезла нас с Эштоном из Торонто в Лондон, штат Онтарио, решив начать новую жизнь. Первые полтора года она очень много плакала и столь же много пила, а затем, возомнив себя героиней Джулии Робертс в «Ешь, молись, люби»¹³, собрала свои шмотки и по-

¹³ Героиня Джулии Робертс в «Ешь, молись, люби» – Элизабет Гилберт – пер-

ехала путешествовать по миру, оставив меня, пятнадцатилетнюю девочку-подростка, на попечение двадцатилетнего брата. Видимо, жизнь с чистого листа не включала в себя наличие детей. Так что почетное третье место родного моему сердцу списка достается моей матери, Ребекке Уильямс.

Не понимаю, какого черта Эштон общается с ней. Лично я считаю, что мы сироты.

А вообще, интересно, зачем она звонит? Неужели вспомнила о моем совершеннолетию? Наверное, мне все-таки стоило ответить на звонок и рассказать ей, что я умираю. Как думаете, Ребекка приехала бы на мои похороны? Или решила бы, что может заразиться Эболой от трупа, и не стала рисковать?

На самом деле мне глубоко наплевать. И пусть так будет всегда!

О, отличный тост!

Подношу бокал к губам, как вдруг ощущаю на своей заднице чью-то крепкую ладонь.

сонаж американского фильма «Ешь, молись, люби». После болезненного развода она отправляется в путешествие по миру, которое позволит ей познать себя.

Глава 4

BLACKBEAR – HOT GIRL BUMMER

Рид

Прождав Эбигейл полтора часа, решаю, наконец, признать, что она уже не придет. Прокручиваю в голове наш короткий диалог и не могу понять, почему. Она же сама предложила мне встретиться в моем номере!

Наверное, не стоило даже пытаться подкатить к ней. Чем я только думал? Вопрос, конечно, риторический. Очевидно, членом. И это, мать его, странно. Меня давно не интересует одноразовый секс.

Знаю, что вы мне не верите, но это чистая правда.

Не думайте, что я выпендриваюсь, но фанаток у меня не просто много, их охренеть как много. В основном это хоккейные зайки, которым не терпится переспать со мной просто потому, что я хоккеист. Им глубоко наплевать, на какой позиции я играю, на мои достижения и на то, какой я человек в целом.

Сначала это приводило в восторг. Но потом до меня дошло, что я отупел от секса. Каждый раз одно и то же. Скука.

Поэтому я попытался построить отношения.

Удивлены? Я тоже.

После смерти отца моя горячо любимая мать решила, что мне позарез нужно найти свою вторую половинку. Это ее слова, если что. От меня вы такой слащавой ерунды точно никогда не услышите. Какая, на хрен, половинка?

Мама познакомила меня с Гретхен, дочерью ее подруги по клубу садоводов. Гретхен каждое воскресенье ходила на службу в католическую церковь, читала молитву перед каждым приемом пищи и становилась багровой при упоминании слова «секс».

За пару месяцев с ней я узнал две вещи.

Во-первых, моя мать меня ненавидит и желает мне смерти.

Гретхен, как оказалось, не хотела заниматься сексом, пока не наступит наше тридцать третье свидание. Долбаная католичка! До тридцать третьего свидания я бы просто не дожил и сдох от взрыва яиц.

Вместо охренительного траха я несколько месяцев только и делал, что слушал очередное нытье или упреки, мол, я не уделил ей должного внимания или забыл какую-то мелочь вроде ее грядущего дня рождения. Эта «половинка» не понимала, что жизнь профессионального хоккеиста не такая уж радужная, как кажется. Ей было все равно, что мой график расписан на весь сезон, что меня постоянно нет дома из-за длительных серий выездных игр, а после тренировок мне хочется потрахаться и просто полежать в тишине.

Во-вторых, я всегда догадывался, но после Гретхен убедился в этом на все сто процентов: хоккей и есть моя половинка, мама! Мы с ним вместе уже двадцать один год, и он ни разу не обвинял меня в том, что я – кусок собачьего дерьма.

Едва мне исполнилось четыре, я встал на коньки и взял в руки клюшку. Мой отец был тренером по физической подготовке в молодежном хоккейном клубе «Квебек Тайгерз». В детстве он часто брал меня с собой на тренировки команды, и это были лучшие дни моей жизни. Я с нетерпением ждал, когда отец снова приведет меня в ледовый дворец. Когда я выходил на лед, то будто бы попадал в другой мир. Ледовая арена стала для меня моей личной Нарнией.

Мне было восемнадцать, когда меня задрафтовали «Орлы Лос-Анджелеса». Я сразу стал одним из лучших. А быть лучшим означает стать лакомым кусочком для фанатов. И, казалось бы, секс без обязательств – мечта любого восемнадцатилетнего парня. Но меня едва хватило на пару месяцев, а затем, как я уже говорил, мне все это осточертело.

Сейчас мне двадцать пять. У меня есть «девушка», с которой я состою в интимных отношениях. Просто секс. И все. У нас заключен контракт, согласно которому она просто приходит в мой дом, кончает, дает кончить мне и уходит. Келли Адамс – невероятно сексуальная модель, заинтересованная в новых знакомствах, так что иногда она все же сопровождает меня на мероприятиях. Но на этом все. Никаких свиданий, разговоров по душам и обнимашек.

Как я докатился до такой жизни?

Никаких интриг в моей истории не будет. Мой товарищ по команде рассказал мне про эскорт-агентство «Девушки Грея», которое подбирает подружек для известных спортсменов, звезд Голливуда, политиков. Все строго, конфиденциально и безопасно, что немаловажно, учитывая то, какими сумасшедшими бывают фанатки.

Помните историю про жгучий перец вместо спермы в презервативе Дрейка¹⁴?

Отлично. Надеюсь, теперь вы меня понимаете.

Так что, кажется, я и в самом деле спятил, раз хотел затащить в постель девушку, которую впервые вижу.

Мать божья, мне нужно выпить. Сейчас же.

Вспоминаю, что Эштон, мой товарищ по хоккейной сборной Канады, звал меня в бар, но я отказался, сославшись на другие планы. Ну, раз уж эти планы благополучно канули в никуда, беру телефон, чтобы сообщить ему об этом.

Рид:

Ты в баре?

Ответ приходит сразу же:

Эштон Уильямс:

Буду через пятнадцать минут.

Рид:

¹⁴ Дрейк – рэпер. Здесь имеется в виду скандальные слухи, что Дрейк налил в презерватив острый соус, чтобы партнерша не украла его сперму.

Встретимся там.

Я основательно подготовился к приходу Эбигейл: принял душ, почистил зубы, закинул в рот пару ментоловых леденцов, надушился духами Zielinski&Rozen с ароматом ветивера, лемона и бергамота и даже уложил волосы. Так что я практически готов к походу в бар. Осталось только одеться.

Следующие пятнадцать минут я решаю провести там же, где предыдущие полтора часа – на кровати, за просмотром какого-то тупого телешоу. Стрелка на часах движется со скоростью долбаной морской звезды и невероятно раздражает меня. Наконец спустя десять минут я подрываюсь с кровати, натягиваю темные джинсы и белую футболку, обуваю белые кроссовки «Найк» и выхожу из номера.

Поднимаюсь в бар и осматриваюсь в поисках Эштона, как вдруг мой взгляд находит роскошную блондинку, удаляющуюся от барной стойки. На ней блестящее золотое платье, едва прикрывающее упругую задницу, на которую трудно не обратить внимание с моего ракурса. На ее длинных ногах – черные босоножки на высоком каблуке. А ее волосы идеального золотистого оттенка спадают на плечи локонами.

Понятия не имею, куда направляется Эбигейл, но я слеую за ней. Мне, черт возьми, нужны объяснения.

Пройдя через весь зал, она останавливается у окна и подносит бокал к губам. Подхожу к ней ближе и кладу ладонь на ее задницу.

– Секс на пляже? – задаю с ходу свой вопрос.

Она резко поворачивает голову и таращится на меня своими большими кристально-голубыми глазами.

– Мы в Турине, идиот, за окном девять градусов.

– Я о коктейле в твоих руках, Блонди, – издаю смешок я.

– Гребаный бармен. – Эбигейл поворачивается в сторону барной стойки и шумно вздыхает. – Попросила сделать коктейль на его вкус. Парню повезло, что я совершенно не разбираюсь в коктейлях, иначе бы плеснула этот в его милую мордашку.

– Считаешь его мордашку милой? – Смотрю на бармена, невысокого парня с темными кудрявыми волосами, похожего на Арона Пайпера, а затем перевожу взгляд на Эбигейл и подхожу к ней еще ближе, становясь вплотную.

– Да, – не отрывая взгляда от бармена, отвечает она, а затем поворачивается ко мне и поднимает на меня глаза. Черт, она такая маленькая, что даже на высоких каблуках едва достаёт мне до подбородка. – Почему твоя рука до сих пор на моей заднице?

– Тебе не нравится? – ухмыляюсь я.

– Нет.

– Иногда «нет» означает «да».

– Но мы не в Болгарии¹⁵.

– Отлично. Рад, что у тебя нет проблем с географией, – широко улыбаясь, произношу я.

¹⁵ Имеется в виду, что в Болгарии двойное согласие «да-да» означает твердое «нет».

О господи, я в восторге от этой игры.

– Знаешь, почему я не убираю твою руку со своей задницы?

– Потому что хочешь меня так же сильно, как и я тебя.

Блонди фыркает, а затем неожиданно заявляет:

– Нет, глупый, просто я больна и чертовски заразна. Вот жду, когда болезнь фруктовых летучих мышей настигнет и тебя.

Едва я открываю рот, чтобы задать вопрос «Какого хрена?», как над нами гроыхает знакомый голос, опережая меня:

– Какого хрена, Эбс?

Поворачиваю голову и встречаюсь глазами с Эштоном.

Эштон Уильямс – лучший защитник НХЛ. Чувак с широкими плечами, ростом под два метра, эдакий Дуэйн Джонсон, только с немного кудрявыми волосами. Несмотря на всю его суровую внешность, Эштон добрый парень. Ага, такой добрый, что сейчас, кажется, убьет Эбигейл одним лишь взглядом.

Вот черт, я же понятия не имел, что они вместе!

Пристально смотрю на него и понимаю, что моя ладонь до сих пор находится на ягодице блондинки. Медленно, стараясь не привлекать внимания Эштона, опускаю свою руку и отхожу от Эбигейл на шаг в сторону. Шестеренки в моей голове крутятся с невероятной скоростью. Нужно успеть придумать, как уйти отсюда и остаться в живых. Пытаюсь вспом-

нить, когда именно он позвал меня в бар... это было до или после встречи с Блонди?

Господи Иисусе!

А вдруг он узнал, что я жду Эбигейл в своем номере, и позвал меня в бар, чтобы подсыпать цианистый калий в стакан виски?

Напомните мне, чтобы я перестал смотреть детективные сериалы!

– Чемпион, рад тебя видеть! – неожиданно заявляет Эштон, хлопая меня по плечу.

Блонди смотрит на него, затем переводит взгляд на меня, а затем снова смотрит на Эштона и вдруг начинает смеяться, обращаясь к нему:

– Это и есть обещанный сюрприз?

Уголки губ здоровяка едва заметно ползут вверх, пока я по-прежнему ничего не понимаю. Он подходит к блондинке и чмокает ее в макушку.

– Я подумал, что тебе понравится идея провести свой день рождения с любимым хоккеистом.

– Ты ужасный брат! – Эбигейл тяжело вздыхает и поджигает губы. – Напомни, чтобы я вычеркнула тебя из завещания и отдала все свое состояние какому-нибудь фонду борьбы с импотенцией!

Эштон громко смеется, пока я неподвижно стою, пытаюсь переварить полученную информацию.

Брат?!

Итак, судя по всему, Эбигейл – сестра Эштона, что, конечно, кажется чушью, потому что они совершенно не похожи. Наверное, кто-то из них приемный.

Да, я мог бы сложить два и два и понять, что у них одна фамилия, но всем известно, что Уильямс – вторая по популярности фамилия в Канаде. Так что оставьте свои комментарии по поводу моей смысленности при себе.

Странно, что на странице Блонди в Википедии нет информации о том, что ее брат играет за хоккейный клуб «Монреаль Пингвинз». И этот болван позвал меня, чтобы познакомить со своей сестрой, у которой сегодня день рождения?

Что ж, я совсем не против хорошенько поздравить ее.

Если вы понимаете, о чем я.

Пф, конечно, понимаете.

– Значит, я твой любимый хоккеист? – ухмыльнувшись, интересуюсь я.

Блонди протягивает мне свой коктейль:

– Можешь поддержать? Пожалуйста.

Она действительно сказала мне слово «пожалуйста»? И почему из ее уст оно прозвучало словно ругательство?

Когда я беру из ее рук бокал, Эбигейл начинает что-то искать в сумочке.

– Вот черт. Где же он? Нашла! – Она вытаскивает свой средний палец и демонстрирует его мне.

По моему лицу расплзается широкая улыбка.

Блонди берет обратно свой коктейль и сверлит меня взглядом.

– Что ж, не буду вам мешать. – Эштон целует сестру в висок, намереваясь уйти.

– Куда ты собрался?

– В свой номер. Что мне делать в баре, Эбби? Я же не пью.

– Да ты, должно быть, шутишь?! – с негодованием кричит на него Эбигейл. – Ты же сам позвал меня сюда!

Эштон молча улыбается и разворачивается, на ходу помахав нам рукой.

– Чем займемся? – интересуюсь я, снова положив свою руку на ее идеальную твердую задницу. Утыкаюсь носом в ее волосы, и во второй раз за день мои обонятельные рецепторы получают оргазм от цветочного аромата Эбигейл Уильямс.

– Иди к черту! – сердито произносит Блонди и поворачивается ко мне, пристально смотря на меня своими ледяными глазами.

Да, пожалуй, надо валить.

– Я никуда не уйду, Блонди.

Надо. Валить.

– Тогда уйду я! – Эбби резко разворачивается на каблуках и быстрым шагом направляется к барной стойке.

– Подожди! – Хватаю ее за руку. – Поговори со мной. – Эбигейл останавливается, и я продолжаю: – Я не идиот и уже догадался, что начал наше знакомство не так, как тебе хотелось бы, иначе сейчас мы уже были бы в моем номере. Твой

братец подарил тебе меня на сегодняшний вечер, так почему ты сбегаешь? Вот я стою здесь. Всецело твой. Давай начнем все сначала?

О господи!

Почему я и в самом деле не могу пойти к черту? Беру свои слова назад, я – идиот.

Что я делаю? Она отшила меня и стала запретным плодом или что? То есть я сейчас, типа, Эдвард Каллен? Он же наркоман, которому просто повезло, что он бессмертный, иначе он бы давно сдох от героина¹⁶. Такая роскошь непозволительна простому смертному вроде меня!

Блонди так и продолжает молчать, поэтому я, шумно выдохнув, произношу:

– Хочешь надраться – будем пить вместе. Хочешь танцевать – я очень хреновый танцор, но ради тебя я готов к этому унижению. Хочешь поплакать – я подставлю свое плечо. Блонди, на эту ночь я весь твой. И пусть я бы распорядился этим временем по-другому. – Играю бровями, пока Эбигейл закатывает глаза, а затем добавляю: – Но, клянусь, этой ночью я не сделаю ничего, чего ты сама не захочешь.

Подхожу к ней ближе и убираю локон ее золотистых волос за ухо. «Чего ты боишься?» – хочу спросить я, но в итоге спрашиваю:

– Хочешь выпить?

¹⁶ Имеется в виду цитата из кинофильма «Сумерки»: «Ты – мой личный сорт героина».

Глава 5

X AMBASSADORS – BOOM

Эбигейл

Мысли в моей голове несутся с такой бешеной скоростью, что сам Барри Аллен¹⁷ позавидовал бы мне, если бы узнал.

Это и в самом деле происходит? Я действительно раздумываю над предложением этого самовлюбленного придурка?

Мда. Все еще хуже, чем я думала.

Мне хочется врезать ему. Или себе. Но в любом случае руки не слушаются меня. Как и мой мозг. И мой рот, который вдруг открывается и самостоятельно произносит:

– Вообще-то, Чемпион, я не пью. А ты бы не отказался от «Секса на пляже»?

Какого черта происходит?!

Моя рука вдруг протягивает ему оранжевый коктейль.

О боже мой! До меня вдруг доходит, почему я не контролирую свое тело! Все дело в переходе Мейзикин. Процесс пошел!

¹⁷ Барри Аллен – супергерой комиксов, носящий имя Флэш и обладающий сверхскоростью.

Это единственное разумное объяснение.

Ну или у меня жар, и все это – глюки.

Голубоглазый кретин улыбается и берет протянутый бокал одной рукой, пока другой крепко обнимает меня за талию. Ну хоть не за задницу, уже какой-то прогресс.

– Спасибо, что предложила. – Рид с озорной улыбкой ведет меня к лифтам, по дороге к которым останавливается у барной стойки и ставит мой коктейль перед лицом бармена. – Пусть у тебя будет хотя бы такой секс, неудачник.

Иисусе!

Мотаю головой, жалея, что не могу врезать этому наглому блондину по его самодовольной роже. Еще бы пописал на меня, чтобы пометить территорию!

– Круто. Показал, кто здесь альфа¹⁸? – резко спрашиваю я, когда мы останавливаемся в ожидании лифта.

– Можешь теперь называть меня Дерекком. Обожаю ролевые игры, – ухмыльнувшись, отвечает Рид.

Он что, имеет в виду Дерек Хейла¹⁹? Видя мое замешательство, Рид смеется и произносит:

– Джессика, моя сестра, раньше обожала «Волчонка», поэтому и мне периодически приходилось смотреть этот сериал с ней.

– Будем считать, что я поверила.

Рид усмехается и слегка подталкивает меня в остановив-

¹⁸ *Альфа* – лидер стаи.

¹⁹ *Дерек Хейл* – оборотень, альфа из американского сериала «Волчонок».

шийся на нашем этаже лифт, и я, ощущая внутри себя гребаное землетрясение, на трясущихся ногах захожу внутрь.

– Куда мы пойдём? – взволнованно спрашиваю я.

– Просто доверься мне, ладно? – спокойным голосом произносит Рид, нажимая кнопку цокольного этажа.

– У меня есть определенные проблемы с доверием, – тихо говорю я, закрывая глаза и прислоняясь затылком к стенке лифта.

Доверие – пропасть, в которую ты проваливаешься с головой, думая о счастливом будущем, а потом, когда мечты о нем летят в никуда, то туда же отправляешься и ты. И проходят дни, месяцы, годы, а ты еще даже не на половине пути оттуда. Мы доверяем людям, открываем им свое сердце, а они лгут, предают и покидают нас, несмотря на все свои обещания быть рядом. Иногда сложно доверять даже самой себе, что уж говорить о том, чтобы довериться незнакомцу. Я знаю этого парня несколько минут. О какой доверии вообще может идти речь? Кто знает, что Рид скрывает? Ведь у каждого из нас есть свои тайны.

– Блонди, ты слишком много думаешь. Эштон никогда бы не оставил тебя со мной, если бы не доверял мне.

Это правда. Братец никогда бы не позволил мне натворить глупостей, а значит, он доверяет Риду. Но все это так странно. Не могу сказать, что мечтала об этом всю жизнь, но последние семь лет своей жизни я боготворила мужчину, стоящего справа от меня.

Господи, пожалуйста, пусть он окажется не таким мудак-ком, каким я сочла его при первой встрече. Наверное, нельзя было упоминать слова «господи» и «мудак» в одном предложении. Я попаду в ад?

Лифт останавливается на нужном этаже, Рид делает шаг вперед и поворачивается ко мне, протягивая руку. Я неуверенно беру ее и выхожу за ним, оказываясь на цокольном этаже. Мы идем по длинному коридору, ничем не отличающемуся от того, что на моем этаже, и проходим несколько совершенно одинаковых серых дверей без каких-либо табличек на них.

– Просто скажи, что ведешь меня не в какую-нибудь красную комнату, и мне станет немного спокойнее, – наконец произношу свои мысли вслух.

– Что за красная комната?

– Ну комната боли, наслаждения и всяких прочих ништячков для секса.

Зачем я вообще это спросила? Будто если он ответит, что и в самом деле собирается показать мне какие-либо виды извращений, я вырву из его хватки свою руку и убегу к себе в номер.

Нет. Этого не будет.

К своему большому ужасу, признаю, что даже если этот мужчина предложит мне понюхать кокаин с его идеального пресса, я сделаю это.

Ох уж эта Мейзикин внутри меня. Чертовка.

– А тебе бы хотелось, чтобы я отвел тебя туда?

– Боже мой, какой же ты невыносимый!

– Мне льстит, что ты обращаешься ко мне «боже мой», а ведь мы еще даже не в постели, – самодовольно ухмыляется Рид.

– Слушай, а тебе не тяжело?

– В каком смысле?

– Ну тебе не тяжело жить с таким эго, оно не тянет тебя вниз?

– Нет, мне не тяжело. Я выносливый, – весело отвечает говнюк. – Пришли! – Рид останавливается у двери в самом конце коридора, а затем поворачивается ко мне и внимательно смотрит на меня своими красивыми глазами цвета океана. Он прикладывает ключ-карту, толкает дверь от себя и заходит первым, придерживая дверь изнутри так, чтобы я могла заглянуть.

О мой бог.

Это кинозал.

Рид пропускает меня вперед и остается стоять в дверях, ожидая моей реакции. Медленно захожу в небольшое помещение и улыбаюсь тому забавному обстоятельству, что стены кинозала выкрашены в красный цвет. На них развешаны постеры и афиши голливудских фильмов. Пространство освещают желтые круглые бра, развешанные по всему периметру комнаты. Напротив большого экрана в два ряда расположились бордовые мягкие кресла, между которыми стоят

маленькие золотые журнальные столики.

В изумлении поворачиваюсь к Риду и вижу, как он улыбается, а затем закрывает дверь и направляется к вендинговому аппарату, стоящему в углу.

– Что будешь пить?

– Колу. – Я сажусь в кресло по центру зала, скидываю бо-соножки и подгибаю ноги под себя. Кладу сумочку на журнальный стол и тянусь к лежащему на его полочке голубому пледу, чтобы накинуть его себе на плечи.

– Зеро?

Резко поднимаю голову и, вскинув брови, смотрю на него:

– Обычную. Боже мой, ты бы еще предложил мне латте на обезжиренном молоке без кофеина.

Рид смеется и садится с колой для меня и бутылкой пива для себя в соседнее с моим кресло.

– Как ты нашел это место? – интересуюсь я, взяв протянутую мне банку колы. Как только я дёргаю за жестяное колечко, газировка начинает шипеть.

– Мало кто знает, но почти в каждом отеле есть такая комната. А я во время выездных игр или сборов первым делом всегда выясняю на ресепшене, где она находится. Иногда кинозала нет, а есть, например, просто игровая, – увлеченно рассказывает он. – Но только не такая игровая, о какой ты подумала. Извращенка. – Рид опускает глаза и мотает головой, но затем улыбается и смотрит на меня.

– Хэй, ничего подобного! – защищаюсь я. – Просто мы

едва знакомы, и в голову сразу же полезли мысли о тайнах, интригах, секретах.

– Не у всех есть тайны, Блонди.

– Хочешь сказать, ты ничего не скрываешь?

– Нет. Никогда. Какой в этом смысл? Ложь всегда становится явью. Я как открытая книга. У меня нет ни одного секрета, – слишком серьезно говорит Рид, а затем тянется к пульту, лежащему на журнальном столике перед нами. – Выбирай фильм.

– Может быть, посмотрим «Три метра над уровнем неба»? – интересуюсь я. Рид с ужасом смотрит на меня, и я едва сдерживаю смех. – Успокойся, я не из тех девушек, которые любят Марио Касаса и фильмы про нездоровые отношения.

– По-моему, Марио Касас сексуальный, – заявляет Рид, и я начинаю смеяться. – Почему ты смеешься?

– Честно признаться, я представляла тебя рядом с какой-нибудь брюнеткой из клипа Канье Уэста, у которой силиконовые сиськи пятого размера и задница размером с полуостров.

– В твоей фантазии я был обнажен? – улыбаясь, интересуется Рид.

– Конечно! – Я закатываю глаза и фыркаю: – Как ты догадался?

– У меня дар!

– Круто. А если бы я выбирала себе дар, то пока бы я ела,

толстел кто-то другой.

Рид фыркает в ответ, и я смеюсь, листая фильмы в приложении. Но мне вообще все равно, какой фильм мы будем смотреть. Я готова включить первый попавшийся. Поэтому отвлекаюсь от экрана, делаю глоток колы и, пользуясь моментом, рассматриваю этого прекрасного мужчину. Боже мой, какие у него выразительные глаза. Цветом почти как мои, только насыщеннее, словно лазурные. А его слегка взъерошенные волосы... черт возьми, по ним так хочется провести рукой. Должна признать, что этот самовлюбленный нарцисс и в самом деле очень хорош собой. Вообще, внешне мы с ним очень похожи, будто это он мой брат, а не Эштон... Так, стоп!

Я сейчас что, и в самом деле сказала, что он мне как брат?! Господи боже, я же зареклась не участвовать в инцесте.

– А почему тебе не нравятся фильмы про любовь? – вдруг спрашивает Рид.

– Я не говорила, что мне не нравятся фильмы про любовь, я лишь сказала, что не люблю фильмы про нездоровые отношения. Ну когда в основе сюжета девственница, которая влюбляется в плохиша. Половину фильма они просто трахаются, при этом он ее унижает, а она все равно бежит за ним, как фанатичка, молясь на его член.

– То есть тебе не нравятся плохие парни? – Рид усмехается.

– Точно нет, – морщусь я.

– Но с хорошими парнями скучно.

– Ну, учитывая твои сексуальные фантазии, ты разбираешься в парнях лучше меня, – широко улыбаясь, подмигиваю я, пока блондин запрокидывает голову и смеется. – Хорошие парни не всегда скучные, – продолжаю я. – Если парень относится к тебе с уважением, то он хороший, а если вытирает о тебя ноги – кусок дерьма. Вот и вся классификация. Поэтому все эти фильмы, в которых девушка пытается изменить использующего ее ублюдка, приводят меня в бешенство.

Да простят меня фанаты фильмов с подобным сюжетом, но есть большая разница между тем, чтобы бороться за человека и бороться с человеком. Да, люди меняются, взрослеют и начинают иначе воспринимать какие-то ситуации, и, определенно, есть вероятность, что любовь способна как-то ускорить этот процесс, во всяком случае, именно так считают сценаристы, придумывающие все эти нелепые истории, в которых девушка унижается, мечтая о большой и светлой любви, но какой ценой?

Не то чтобы я пропагандировала феминизм, но поклонение члену, принадлежащему какому-нибудь придурку, нужно убивать в зародыше.

Большая часть подобных фильмов именно о борьбе со сломленным, зажатым внутри, потеряннным и эгоистичным человеком, который пользуется всем и всеми, думая лишь о своем сексуальном удовлетворении. Бедные девушки влюб-

лены в самую мысль о том, какое будущее бы их ждало, если бы он изменился. Что это вообще за цель жизни такая – встретить парня и пытаться любой ценой изменить его? Все равно что раз за разом покупать туфли тридцать пятого размера, хотя нога выросла до тридцать седьмого, надеясь, что когда-нибудь они подойдут. Понимаете, какой это абсурд?

Я ни в коем случае не хочу сказать, что все фильмы такие, ведь есть «Клятва», «Дневник памяти», «Привидение» и многие другие кинохиты, в каждом из которых герои борются друг за друга, а не друг с другом. Это и есть безусловная любовь. Ну наверное. Я не самый главный знаток в отношениях.

– Почему ты не пришла ко мне в номер? – неожиданно спрашивает Рид.

Глава 6

FENEKOT – RUNAWAY

Эбигейл

Поднимаю на Рида глаза и изумленно смотрю на него.

Он что, шутит?

Мне казалось, мы уже выяснили, что он мне не нравится.

– Хочешь сказать, ты действительно думал, что я приду? – усмехаюсь я.

– Да, ты же сама предложила! Вообще я не сторонник случайного секса, но как я мог тебе отказать? – пожимает плечами Рид. – Я же джентльмен.

– Ага, – скептически мычу я.

Боже мой, ну как можно быть таким кретином?

Рид выпрямляется в кресле, тянется к столу, чтобы поставить бутылку пива, а затем облокачивается на колени, сцепив пальцы в замок, опирается на них подбородком и произносит:

– Я всегда говорю правду, Блонди. Это не так уж и сложно, поверь.

Ну да, а я – мать Тереза.

– Думаешь, я поверю, что ты никогда не врешь? – отки-

нувшись в кресле, интересуюсь я.

– Никогда, – уверенно произносит он. – Иногда я могу специально о чем-то умолчать, но это враньем не считается.

– Конечно.

– Задавай мне любые вопросы, и убедишься в моей честности, – предлагает Рид.

– В чем подвох?

– Ты должна будешь ответить на такое же количество моих вопросов.

– Не думаю, что это хорошая идея.

Он пристально смотрит на меня своими лазурными глазами и, изогнув одну бровь, интересуется:

– Боишься?

Да.

– Нет. – Да. Да, да, да, да, да. – Просто ты же мой любимый хоккеист, – быстро добавляю я. – Я и так много чего о тебе знаю.

– Вот это да! – Рид резко откидывается на спинку кресла и восклицает с такой радостью, будто в его голову пришла грандиозная идея.

– Что такое?

– Только сейчас понял, что твой брат – лучший защитник НХЛ, но любимый хоккеист – я. – Кретин улыбается так, словно только что снова выиграл кубок Стэнли.

Я закатываю глаза так, что вижу происходящее на небесах, и интересуюсь:

– А ты веришь в Бога?

– Я – католик! – Рид снова опирается локтями на колени. –

Почему ты спрашиваешь?

– Просто ты так себя боготворишь, что мне интересно, что бы на это сказал Иисус.

– Ха. Что он направил на землю свое лучшее творение?

У этого парня точно нет проблем с самооценкой. Уверена, что он возбуждается, видя себя в зеркале.

– Ты мастурбируешь, глядя в зеркало? – слетает с моих губ, и мои глаза округляются от ужаса.

– Мы обсуждаем Иисуса, а ты думаешь о том, как я мастурбирую?! – самодовольно ухмыляется говнюк. – Эбигейл Уильямс, а ты, оказывается, не такая уж и недотрога. Ну теперь я должен тебе признаться в своем грехе. – Рид наклоняется вперед, поближе ко мне, и шепчет: – Я подписался на обновления хештега твоей ослепительной задницы. Означает ли это, что я принят в твой фан-клуб?

Господи Иисусе!

– Если ты ждешь какого-то посвящения в стиле Дельта Каппа Нью, то спешу тебя расстроить, этого не будет.

– Ты не можешь знать наверняка, что будет, а чего не будет, – серьезно произносит Рид. – Ты же уже выбрала себе другой дар. Не мешай мне использовать мой и предсказывать будущее.

Я в сотый раз за вечер закатываю глаза и произношу:

– А тебе не нужна какая-нибудь спиритическая доска или

магический шар?

– Нет, все это для шарлатанов. За кого ты меня принимаешь? – с обидой в голосе интересуется Великий предсказатель будущего.

– Извини! – вскидываю руки вверх. – Ладно, расскажи мне что-нибудь, чего я точно о тебе не знаю, – произношу я и делаю глоток колы.

– Хм... У меня есть правила. Не влюбляться, не целоваться и не заниматься оральным сексом, – с серьезным видом заявляет Рид.

Не ожидая услышать подобное, прыскаю колой и начинаю хохотать. Он же шутит так, да?

– Ну с первым пунктом все понятно – я уже влюблен в хоккей, – как ни в чем не бывало продолжает блондин. – Что касается второго пункта – поцелуи часто приводят к эмоциям, которые мне не нужны. Женщины любят целоваться, а потом начинают думать, что между нами может быть что-то большее, чем просто секс, – последнюю часть фразы он заговорщически шепчет, заставляя меня рассмеяться вновь. – Ну и последний пункт, из-за которого я особенно грущу, – кретин театрально вздыхает и продолжает: – Лучшее, что есть в этой жизни, – минет. Это неоспоримо. Но, черт возьми, доставить удовольствие партнерше языком без каких-либо испытываемых к ней чувств довольно сложно, а заниматься оральным сексом в одностороннем порядке – дико эгоистично.

У этого парня не все дома. Seriously.

– Значит, у тебя оральное воздержание? – продолжаю смеяться я.

– Да, я оральный монах, – печально вздыхает Рид.

Я смеюсь так сильно, что хватаюсь за живот. Чувствую, что у меня уже болят скулы, но ничего не могу с собой поделать и продолжаю смеяться. Затем, спустя вечность, я наконец констатирую факт:

– Какой же ты придурок.

– Сексуальный придурок, – подмигивает мне Рид.

– Какое бы прилагательное ты ни решил употребить со словом «придурок», ты все равно будешь придурком.

– Твоя очередь, – усмехается Рид.

– Что ты хочешь обо мне узнать?

– Почему во время автограф-сессии ты предложила встретиться в моем номере?

– Мне было интересно, что ты ответишь.

– Почему?

– Потому что я твоя фанатка.

– И почему же ты тогда не пришла?

– Ты не интересуешь меня. Как мужчина.

– Ты же не...

– Нет, я не лесбиянка, – фыркаю я, закатив в очередной раз глаза.

– Это хорошо, – шумно выдыхает Рид, садясь в кресле и снова опираясь на локти. – Почему бы нам не переспать?

Как думаете, его устроит ответ: «Потому что я скоро умру»

и не хочу, чтобы это случилось во время сношения»?

Шумно выдыхаю и произношу скорее для себя, чем для него:

– Я отношусь к той категории девушек, которые не готовы к сексу на одну ночь. Мне плевать, кто, где, когда и с кем спит. Я не моралистка. Просто такой образ жизни не для меня. – Прикусываю нижнюю губу, а затем продолжаю: – Если мы переспим, ты исчезнешь, а я начну думать о том, какое будущее нас ждет. Так что, считай, я просто спасаю твою полигамную задницу от проблем.

– Я не полигамен. И я на самом деле давно не практиковал одноразовый секс.

– Тогда зачем ты пытаешься затащить меня в постель? Только не говори, что собираешься жениться на мне, завести золотистого лабрадора и зачать семерых детей.

– Нет. Мы можем заниматься сексом некоторое время. Секс по дружбе.

– Рид, мы знакомы несколько часов. Какая дружба?

– Ты давно знаешь меня.

– Но ты не знаешь меня.

– Так давай познакомимся поближе.

– Нет. Для меня ты лучший хоккеист в мире. Когда я наблюдала за тобой во время драфта, у меня возникло ощущение, будто на льду нет никого, кроме тебя. Твоя скорость, твои маневренные движения, твои точные удары – все это невероятно. Ты просто создан для этой игры. И с того самого

дня я смотрела каждую твою игру, скакала от радости, когда ты забрасывал шайбу, радовалась, когда получал награду или выигрывал кубок, переживала из-за твоих травм и удалений, расстраивалась, когда ты проигрывал. У меня до сих пор захватывает дух, когда ты появляешься на льду, хотя я видела не менее сотни твоих игр, – на одном выдохе выдаю я, пока Рид потрясенно смотрит на меня. – Но на этом все.

– А если я скажу, что у меня так же захватывает дух, когда я смотрю на тебя? – вдруг произносит он. И теперь уже я потрясенно смотрю на него.

Мое сердце стучит так быстро, будто намеревается пробить дыру в груди и выпрыгнуть. Эти слова не должны меня задевать, ведь, в конце-то концов, у парня сексуальная обсессия²⁰ или сатириазис²¹, называйте как хотите, но он точно думает о сексе двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Ну вот какого черта мой разум отказывается понимать это?

– О, если ты вдруг забыла, я никогда не лгу.

– Сложно в это поверить, – ухмыляюсь я.

– Но ты должна мне доверять.

– С этим будут проблемы. Я же говорила тебе, мне сложно доверять людям.

– Почему?

²⁰ *Обсессия* – обсессивно-компульсивное расстройство – состояние, при котором человека беспокоят навязчивые мысли.

²¹ *Сатириазис* – патологическое повышение полового влечения у мужчин.

– Это очень долгая и не самая прекрасная история.

– Блонди, у нас полно времени. Я уже смирился, что мне придется согласиться на разговор по душам, раз уж ты не хочешь забыться на моем члене, – фыркает Рид, пока я смотрю на него, вскинув брови от изумления.

Напомните мне, почему я все еще здесь?

– Можешь произнести хотя бы одно предложение без слов «член» и «секс»?

– Не уверен, – мотает головой Рид. – Давай я просто помолчу. Чтобы наверняка.

Я запрокидываю голову и смеюсь.

– Ну так что, расскажешь? – Рид наклоняет голову и пристально смотрит на меня.

– Ладно, – выдыхаю я. – Все дело в моем отце. Когда я была маленькой, мне казалось, что у нас идеальная семья. Родители были безумно влюблены, а я с самого детства мечтала вырасти и полюбить кого-то так же сильно, как любили друг друга они. А затем, на мой четырнадцатый день рождения, мы полетели в Питтсбург к отцу, чтобы сделать ему сюрприз, а в итоге сюрприз сделал он нам. – Теперь вы знаете, почему я ненавижу сюрпризы. – Оказалось, что на протяжении последних семи лет он жил на две семьи. В Питтсбурге у него была любовница и их семилетний ребенок.

– И ваша мать даже не догадывалась?! – Рид ошарашенно смотрит на меня.

– Она была в ужасе и сразу же увезла нас в другой город,

подальше от отца, – закусив губу, отвечаю я.

– Из-за отца ты не доверяешь мужчинам, но ведь женщины тоже изменяют.

– Я не доверяю людям в целом, Рид, – пожимаю плечами я.

– А как же Эштон или твой партнер Дилан?

– Пф, Дилан бросил меня.

– Я думал, он женат на Веронике! – восклицает Чемпион, пока я в удивлении смотрю не него. – Википедия, – пожимает плечами он и усмехается.

Я усмехаюсь в ответ:

– На конференции он сообщил, что это наш последний сезон вместе и он завершает карьеру.

– Но ты же легенда и можешь найти другого партнера. Парни в очередь встанут, чтобы кататься с тобой, – серьезно произносит Рид. – Поверь, если бы не нужно было кататься в этих блестящих лосинах, то даже я пришел бы на кастинг.

– И бросил бы хоккей?

– Нет, конечно. Я бы пришел чисто из уважения к твоей упругой заднице, – усмехается Рид и одним глотком допивает пиво. Я снова закатываю глаза и шумно вздыхаю. – Что теперь будешь делать?

Кажется, он забыл, что я смертельно больна. Ладно, сделаю вид, что у меня еще есть шанс немножко помечтать о будущем.

– Понятия не имею. – Закрываю глаза, откинувшись назад

на подголовник кресла.

– Ты могла бы стать моделью, демонстрирующей купальники, – вдруг заявляет говнюк, заставляя меня резко распахнуть глаза.

– Ты можешь думать о чем-то помимо моей задницы? – с раздражением спрашиваю я.

– Поверь, я думаю обо всех частях твоего тела.

– Ты озабоченный, – качаю головой, пока Рид подмигивает мне.

– Но я тебе нравлюсь.

– Когда на тебе хоккейная экипировка – да, нравишься, – неожиданно вылетает из моего рта.

– Я бы предпочел быть с тобой в постели голым, но могу надеть тренировочную форму, если нужно.

– Как это благородно с твоей стороны. Можешь даже не снимать шлем.

– Это еще почему?

– Ну ты ведь все равно не целуешься и не занимаешься оральным сексом. Он не будет тебе мешать, – пожимаю плечами я.

Нашу беседу прерывает звонящий телефон Рида. Блондин внимательно смотрит на меня, а затем ставит телефон на громкую связь. Из динамика черного айфона доносится голос брата:

– Эбби с тобой?

– И тебе привет, – усмехается Рид.

– Уже три часа ночи, где Эбби?

Сейчас три часа ночи?! Черт, мы проболтали четыре часа?! Переглядываюсь с Ридом – он удивлен не меньше меня.

– Так, пока ты не начал орать на Рида, скажу, что я уже взрослая девочка, если ты вдруг забыл об этом. Я скоро буду, – произношу я и сбрасываю вызов, пока братец не решил прикончить Чемпиона. Или меня. Или нас обоих. – Думаю, мне пора идти. – Скидываю с плеч плед и тянусь к своим бо-соножкам. В быстром темпе застегиваю их на лодыжке, беру сумочку со стола и резко встаю на ноги.

Рид тоже поднимается, и мы молча смотрим друг на друга.

Мне нужно уйти.

Я должна уйти.

Но я не хочу.

Не успеваю опомниться, как Рид двумя шагами преодо-левает расстояние между нами, обхватывает мое лицо ладо-нями и целует меня, легко касаясь своими теплыми губами моих.

Влечение, которое я приказывала себе не испытывать к нему, вдруг становится таким сильным, что я забываю обо всем. Поцелуй длится не больше пары секунд, но этого до-статочно для учащения моего пульса и замедления дыхания.

Рид отстраняется и, прижавшись лбом к моему лбу, шеп-чет:

– С днем рождения, Блонди.

Глава 7

WILLYECHO – WELCOME TO THE FIRE

Эбигейл

Сентябрь

Лондон, штат Онтарио, Канада, каток Виктори. Каток, где семь лет назад все началось. Каток, где прямо сейчас все закончится.

В последний раз окидываю глазами ледовый дворец. Арены освещают лишь два белых прожектора, которые направлены на нас с Диланом. На трибунах нет ни одного свободного места – восемь тысяч зрителей пришли сегодня сюда, чтобы посмотреть заключительное выступление пары Уильямс – Пирс. Сразу за бортиком со слезами на глазах стоит высокая темноволосая легенда фигурного катания Рейчел Пирс, мать Дилана и наш первый тренер. Справа от нее улыбается, прижав руку ко рту, Катерина Дэвидсон, благодаря которой мы завоевали олимпийское «золото». Одинокая слеза скатывается по моей щеке, и я выполняю последний четверной аксель²² нашей программы. Последний четверной аксель в качестве профессиональной фигуристки. Трибуны взрываются

²² Аксель – реберный прыжок в фигурном катании.

аплодисментами.

– Ну вот и все! Ты можешь в это поверить, малая? – спрашивает Пирс, пока под бурные овации зрителей мы, взявшись за руки, подъезжаем к нашим тренерам, чтобы крепко их обнять и поблагодарить за то, что были рядом все эти годы.

Пронзаю придурка гневным взглядом.

Могу ли я в это поверить?! Он действительно такой тупой или издевается надо мной?

У меня нет ни капли сомнений, что если ему будут нужны деньги после ухода из фигурного катания, то он может стать писателем, написав книгу под названием «Как выбесить человека за пару секунд». Книга станет бестселлером.

Как вы уже догадались, я так и не простила его.

Только давайте без всякого бреда, что каждый может ошибиться, все заслуживают второй шанс и бла-бла-бла.

Мне плевать!

Дилан заслуживает разве что самый горячий котел в аду.

После Олимпиады прошло 209 дней, не то чтобы я считала. Все эти 5016 часов мы с Диланом летали по миру, представляя свое шоу «Непобедимые». Чтоб вы знали, мне пришлось провести с ним целых 300 960 секунд! Да, я посчитала даже секунды, чтобы понимать, сколько именно длились мои мучения в компании этого говнюка. Это ужасно, не правда ли?

С улыбкой на губах и слезами на глазах прощаюсь со зри-

телями на трибунах и направляюсь в раздевалку, чтобы поскорее убраться подальше от Цербера Сатаны, укравшего тело Дилана.

— Знаю, ты считаешь, что я предал тебя, но просто прошу, поверь мне, все будет хорошо! — догоняя меня, произносит исчадие ада, пока я борюсь с собой, чтобы не начать на него орать за то, что своими словами он снова все портит.

Что вообще означает фраза «все будет хорошо»?

Я постоянно слышу эти идиотские слова. Если меня переседет автобус, оставив без ноги, я услышу «хорошо, что осталась хотя бы одна нога», а если я разобьюсь на самолете, то все будут говорить «хорошо, что смерть была быстрой».

Но я не хочу довольствоваться чем-то, что можно охарактеризовать просто «хорошо».

Это для неудачников.

Мне жизненно необходимо, чтобы все было прекрасно, восхитительно, потрясающе, изумительно, блестяще, великолепно... В моем арсенале есть еще множество синонимов к слову «охренительно», но думаю, вы уже поняли.

Разумеется, мне до сих пор не верится во все произошедшее. Это я о том, что я смогла победить смертельную болезнь. Теперь я могу стать коучем духовных практик, путешествуя по миру и зарабатывая миллионы на своей авторской программе «Есть ли жизнь после Эболы».

После нескольких потоков людей, которые обанкротятся, отдав в мою шарлатанскую программу все свои сбережения,

ко мне присоединится знаменитый автор бестселлеров Дилан Пирс со своей методикой принятия жизни после ежесекундной смены подгузников и подогревания молока.

Шутка.

За кого вы меня принимаете?

Хлопнув дверью прямо перед носом Дилана, оказываюсь в раздевалке, где быстро снимаю свое черное гимнастическое боди с узором пламени и блестящие колготки в сетку, распускаю волосы и направляюсь в душевую, чтобы смыть с себя макияж. Ну, и чтобы вода смогла спрятать мои слезы, естественно.

Но слез нет.

Видимо, я, как Аманда Вудс из «Отпуска по обмену»²³, выплакала все свои слезы и заработала еще одно психическое расстройство в свою коллекцию. Сначала я думала, что умру от Эболы, потом у меня появилось альтер эго Мейзи-кин, а теперь у меня нет слез.

Прекрасно. Пока кто-то собирает фигурки смурфиков или джерси любимых игроков, я коллекционирую психические расстройства. Иисус так наказывает меня за мои грехи?

Выхожу из душа и тянусь к фену, чтобы высушить волосы, а затем, сбросив полотенце, направляюсь к своему шкафчику, где надеваю рваные джинсовые шорты и белый топ. Переодевшись, убираю свои еще немного влажные волосы на-

²³ Аманда Вудс – один из главных персонажей американского фильма «Отпуск по обмену», которая не плакала много лет после развода родителей.

зад, зацепив их крабиком-бабочкой, и спешно обуваю белые кеды.

Телефон пиликает, оповещая о том, что водитель такси уже ожидает меня у служебного входа ледового дворца, чтобы отвезти в аэропорт. Через два часа у меня самолет в Лос-Анджелес. Я лечу к Эштону, три месяца назад подписавшему контракт с хоккейным клубом «Орлы Лос-Анджелеса».

Будучи действующей фигуристкой, я отказывалась от всех рекламных кампаний и съемок в ток-шоу, потому что для меня все это – гребаный садизм, издевательство над человеческой душой. Но после моего официального заявления об окончании карьеры телефон просто разрывается от предложений. Мой график в Америке уже расписан почти на год вперед. Всем очень хочется нарядить меня в какие-то брендовые шмотки, снять со мной рекламный ролик или записать со мной тренировки для фитнес-проектов.

Наверное, я должна быть рада, но что-то меня совсем не впечатляет этот сомнительный способ прославиться. Мне и в голову не приходило, что моя пятая точка окажется настолько популярной и востребованной.

Так что предсказание Рида О'Хары практически сбылось! Совсем скоро я закричу на весь Лос-Анджелес: «Да здравствует моя задница в стрингах на рекламных плакатах Calvin Klein!»

Кстати, после того поцелуя с великим победителем «Битвы экстрасенсов» сто двадцать восьмого сезона я просто вы-

шла за дверь и избегала Рида до конца Олимпиады. Да, я трусиха. Трусливее меня разве что придурок Пирс, но черт с ним. Иисус ненавидит меня, а не его. Поэтому через неделю, на первой домашней игре сезона «лос-анджелесских орлов», мы с Ридом снова встретимся, ведь теперь он одноклубник моего брата.

Фантастика, да?

Завтра у меня стартуют съемки в телевизионном шоу «Ледяные танцы», где моя задница будет летать в паре с задницей какого-то смазливового певца, так что, если я хочу успеть на самолет, нужно поторопиться.

Вытаскиваю из шкафчика свой розовый чемодан на колесах, беру спортивную белую сумку и выбегаю из дворца, на ходу раздавая автографы и делая фотографии с фанатами. Сажусь в черный «Мерседес» и в последний раз бросаю взгляд на место, где когда-то стала чуточку счастливее.

* * *

Лос-Анджелес встречает меня теплым ветром и небом, окрашенным уходящим за горизонт солнцем в светло-розовый. Покинув борт самолета, я направляюсь к терминалу, окруженному высокими веерными пальмами, покачивающимися от легкого ветерка.

Взяв свой чемодан с ленты багажа, в счастливом предвкушении направляюсь в зону прилета, где практически бегу на

поиски Эштона. Я не видела его с июля, то есть почти три месяца! Поверьте, для меня это практически целая вечность. Я успела чертовски по нему соскучиться.

Увидев брата, я сразу же прыгаю на него и крепко обнимаю. Эштон ловит меня в свои объятия и громко смеется:

– Тише, Эбс, мои легкие мне еще пригодятся. – Он целует меня в макушку, слегка взъерошив мои волосы, и опускает меня на землю, а затем берет мои вещи и ведет меня в сторону парковки. – Как все прошло сегодня?

– Ужасно! Я старалась представлять на месте Дилана милых котят, лишь бы только не сорваться на нем при зрителях.

– Получилось?

– Ну ты же не видел его имени в сводке некрологов?

Эштон усмехается и открывает для меня пассажирскую дверь своего «Халк-мобиля».

Да, вот вам один бесполезный факт обо мне: я люблю давать машинам прозвища. Брат водит зеленый «Хаммер», чем вам не «Халк-мобиль»?

Я вскарабкиваюсь на пассажирское сиденье, словно обезьянка, и бурчу себе под нос:

– Спасибо, что не купил себе «Форд F-650». Гребаный великан!

Эштон кладет мой чемодан в багажник и садится за руль. Всю дорогу я делюсь с братом своими планами на ближайшие месяцы, а он рассказывает о новом клубе и предстоящей выездной игре.

Я уже была в Лос-Анджелесе, поэтому, пока мы едем домой, не пытаюсь разглядеть в окне какие-то достопримечательности города, мимо которых проносится наш внедорожник.

Ну мы направляемся не совсем домой. Эштон живет в доме своего одноклубника.

Спустя пятнадцать минут «Халк-мобиль» подъезжает к черным резным автоматическим воротам, за которыми, среди деревьев, расположился белый двухэтажный особняк невероятных размеров. Взрослый мужчина в черном костюме, стоящий на охране, кивает Эштону, и мы проезжаем к центральному входу. Припарковав автомобиль, брат открывает для меня дверь, и я, изумленно улыбаясь, спрыгиваю с сиденья на выложенную белой плиткой дорожку.

О. МОЙ. БОГ.

Я стою напротив огромного дома, по фасаду которого тянутся панорамные французские окна в пол, украшенные поверху небольшими горшками с розовыми, желтыми и красными цветами. Прямо передо мной находится большая коричневая дверь с витражным стеклом наверху, по обе стороны от которой растут фиалковые деревья. Чуть дальше я вижу баскетбольную площадку, небольшую зону барбекю, спрятавшуюся между высокими секвойями, и лестницу, ведущую, судя по шуму волн, к океану.

– Неужели это не сон? Это же дом моей мечты! Ущипните меня! – восклицаю я и тут же морщусь, когда кто-то и в

самом деле щиплет меня за задницу.

Резко поворачиваюсь и впадаю в ступор, увидев знакомого голубоглазого кретина. Теперь я уверена, что Иисус не просто наказывает меня, он всеми возможными способами показывает мне свою ненависть. Шумно выдыхаю, поднимая голову к небу и с громким стоном произношу:

– Черт!

– То ты называешь меня «Боже мой», а теперь обращаешься ко мне «Черт». Определись уже, Блонди, – ухмыляется Рид.

Опускаю голову и смотрю на говнюка, стоящего передо мной. Рид сияет сексуальной улыбкой. Его светлые волосы взъерошены. Из одежды на нем только серые спортивные шорты, низко сидящие на бедрах.

Как же он меня бесит!

До одури.

Все утро мне пришлось сдерживаться, чтобы не убить другого говнюка, испортившего мне жизнь. Так что у меня осталось совсем немного самообладания. И этот остаток я трачу на то, чтобы не опустить взгляд и не начать любоваться идеальным рельефным телом Рида.

Я в полной заднице.

– Отнесу вещи в дом, – произносит Эштон, вытаскивая мой чемодан из багажника.

– Не надо. Я не буду жить с Ридом, – заявляю я, сложив руки на груди.

– Не доверяешь себе? – вскидывает бровь блондин.

– Тебе.

Эштон хмыкает и все-таки уносит чемодан в дом. Неожиданно Рид подходит ближе и сгребает меня в охапку, крепко обнимая. От его наглости у меня на пару секунд пропадает дар речи.

– Какого черта ты делаешь? – раздраженно интересуюсь я.

– Слышала что-нибудь об объятиях, Блонди?

– Звучит как какой-то запрещенный прием ММА²⁴.

Усмехнувшись, Рид своими большими руками хватается мои ладони и кладет их себе за спину, тем самым заставляя обнять его в ответ. Сама не замечаю, как утыкаюсь в его шею и вдыхаю запах. Рид пахнет теплом. Это невозможно описать словами. Успокаивающий стук его сердца. Исходящее от его тела тепло. Сильные руки. Хочется раствориться во всем этом. В нем.

Какое-то время мы молчим, а затем Рид неожиданно произносит:

– Я тоже скучал, Блонди.

– Я не говорила, что скучала, – протестую я.

– А я поменял свой дар предвидения на телепатию.

Невольно улыбаюсь ему в грудь, осознавая, что он помнит наш разговор в Турине.

Рид отстраняется, берет меня за подбородок, чтобы я подняла на него глаза, и странно смотрит на меня своими яр-

²⁴ ММА – смешанные единоборства.

ко-голубыми глазами:

– Мне нужно, чтобы ты понимала, что для меня ты гораздо больше, чем просто горячая блондинка, крошка Эбс. Мы будто знакомы целую вечность. И я скучал. Чертовски сильно.

Крошка Эбс? Это еще что за хрень?!

– Кстати, в твоей комнате есть терраса с видом на океан. Хочешь взглянуть?

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты ни черта не умеешь вести переговоры? С этого вообще-то нужно было начинать! – всплескиваю руками, пока Рид, ухмыльнувшись, ведет меня к дверям, положив руку мне на задницу.

Я убью его.

Глава 8

JEREMY RENNER – MAIN ATTRACTION

Рид

Исследую взглядом каждый дюйм ее тела: Эбби еще красивее, чем я запомнил в тот единственный раз, когда встретился с ней. Ее волосы стали длиннее и светлее, словно выгорели на солнце, белый короткий обтягивающий топ на бретельках подчеркивает красивый золотистый загар, а короткие шорты демонстрируют длинные рельефные ноги.

Не могу оторвать взгляд.

Она охренительно красива.

Пока мы идем к дому, прижимаю ее к себе, положив руку на задницу, и вновь ощущаю потрясающий цветочный аромат, не такой ядерный и приторный, как у большинства девушек, любящих вылить на себя половину флакона духов, а нежный, опьяняющий, который так и манит зарыться в волосы и вдыхать, вдыхать, вдыхать, пока легкие полностью не заполнятся этим ароматом вместо воздуха...

О господи!

Почему я думаю, как слюняй?

Это все из-за похмелья. И хотя вчера я выпил лишь две

бутылки лагера, я все еще пьян.

Фух, это все объясняет.

– Убери руку с моей задницы, – шипит Эбигейл.

Выражение лица у нее такое, словно в своей голове она уже подписывает мне смертный приговор.

– Тебе же нравится.

– Не нравится. Почему ты ведешь себя как неандерталец?

– Я родом из Квебека, столицы Неандертляндии. Ты что, не знала?

Она закатывает глаза, и я усмехаюсь.

Мы заходим внутрь и останавливаемся посреди просторного светлого холла с зеркальной стеной слева и ведущей наверх белой деревянной лестницей справа. Если пойти прямо по коридору, мы окажемся в огромной гостиной с пятью большими панорамными окнами, а немного правее расположен кухонный островок с барными стульями, ведущий прямым ходом на огромную светлую кухню. Также там находятся тренажерный зал, кабинет, кинозал и гостевое крыло. Но все это я решаю показать ей после того, как она увидит, какой вид открывается из ее спальни, расположенной на втором этаже.

– Н-и-ч-е-г-о с-е-б-е! – протягивая каждый звук, восклицает Эбби. – Дом внутри еще больше, чем казался снаружи!

– У меня все большое, – поигрывая бровями, ухмыляюсь я.

– Мы говорим о твоём эго? А есть какие-нибудь другие

темы для разговоров?

– Вообще-то мы говорим о моем члене, – серьезно заявляю я и жестом призываю ее направиться вверх по лестнице.

– Ты говоришь о своем члене.

– Ха, смотри-ка, ты тоже только что о нем заговорила, – с широкой улыбкой произношу я, пока Блонди звонко смеется.

Мой член вдруг реагирует на этот звук, словно это не смех, а долбаная «Виагра».

Мда, полностью одетая девушка просто смеется, а меня это возбуждает.

Это какой-то странный фетиш, не находите?

Кажется, мне необходима консультация сексолога.

– Хватит болтать! Мне не терпится увидеть спальню!

– Хочешь поскорее оценить кровать? – хриплым голосом произношу я, пока Эбби закатывает глаза и читает «Ангел Господень»²⁵, заставляя меня рассмеяться.

Пару лет назад я понял, что устал от жизни в квартире, и стал подыскивать себе дом. Этот реконструированный особняк во французском стиле площадью 9350 квадратных футов, расположенный в спокойном нетуристическом районе Пасифик Палисейдс прямо на берегу океана, стал первым и единственным домом, который я посмотрел. Это была любовь с первого взгляда.

²⁵ «Ангел Господень» – католическая молитва.

Особняк идеален во всех смыслах. В нем много света благодаря окнам в пол. К дому прилегает огромная территория, полностью засаженная деревьями разных видов, что создаст ощущение уединения в большом городе. Из-за расположения на возвышенности со второго этажа открывается потрясающий вид: с одной стороны – на океан, а с другой – на Лос-Анджелес.

Единственным минусом для меня стал размер дома. Он действительно огромный. И все же я его купил.

Когда мы подходим к спальне Эбигейл, я открываю дверь и, прислонившись к дверному проему, остаюсь стоять в коридоре. Эштон сказал мне, что Эбигейл влюблена в океан, поэтому я решил, что ей понравится спальня с просторной террасой по соседству с моей. Блонди переступает порог, и я вижу неподдельный восторг в ее глазах.

За дверью небольшая спальня с белыми стенами, которые украшены резными барельефами под потолком. На полу светлая паркетная доска. В центре комнаты у трехстворчатого белого французского окна в пол стоит большая кровать из такого же темного дерева, что и двери. Над изголовьем кровати висит картина с изображением Парижа, а у ее изножья стоит небольшая оливковая банкетка с бежевым вязаным пледом. Комнату освещает низко свисающая с потолка лампа в виде уличного фонаря. И самое главное – лежа в постели, можно любоваться видом на океан.

– Никогда не видела ничего прекраснее, – шепотом про-

износит Эбигейл, остановившись у открытого окна.

– Что? А как же я? – положив руку на сердце, произношу я, пока она снова закатывает глаза, не переставая улыбаться. – Ты разбиваешь мне сердце, Блонди.

К противоположной стороне дверного проема подходит Эштон:

– Ну что, ты убедил ее остаться?

– Это оказалось проще простого! – самодовольно восклицаю я. Эбигейл фыркает и смотрит на меня, вскинув одну бровь. – Что? Перед моим обаянием сложно устоять. Спроси своего брата.

Эштон тяжело вздыхает и мотает головой.

Когда он перешел к нам в клуб, я услышал, как тренер сказал, что все корпоративные квартиры – те, что клуб предоставляет игрокам – заняты, и Эштону придется пожить некоторое время в отеле. Тогда я предложил ему поселиться в моем громадном доме, и он согласился.

Это было одним из лучших решений в моей жизни, ведь теперь со мной будет жить еще и горячая блондинка.

– Эбс, ты можешь разобрать вещи позже? – спрашивает Эштон. – Нам нужно кое-куда съездить.

– А вы не можете поехать без меня?

Мы с Эштоном одновременно произносим «нет».

Эбигейл всплескивает руками и восклицает:

– Ладно, сделаем вид, что вы совсем не странные. И куда мы поедем?

– Это сюрприз, – будничным тоном заявляет Эштон.

– Ни за что! Вдруг ты, – гневно произносит Эбигейл, указывая пальцем на меня, – отвезешь меня в бордель, чтобы я отработала свое годовое проживание здесь. Или ты, – указав на Эштона, Эбигейл продолжает, – упрячешь меня в психушку, чтобы меня признали недееспособной, отомстив тем самым за то, что вместо тебя мое состояние после смерти унаследуют импотенты. А может, вы оба отвезете меня к гробаному медиуму, чтобы вытащить из моего тела Мейзикин!

Мейзикин? О чем она говорит?

– Ладно, черт с вами! Мне уже ничего не страшно, я ведь победила Юстинианову чуму! – неожиданно кричит Блонди, протискиваясь в дверной проем между нами.

Я запрокидываю голову и смеюсь. Черт побери, как же я скучал по этому тайфуну в облике человека!

Захожу к себе в спальню, расположенную напротив комнаты Эбигейл, и надеваю футболку. А затем спускаюсь по лестнице вслед за Блонди и Эштоном, и мы вместе направляемся к гаражу.

– Вы же знаете, что выглядите как два придурка, так плясь на меня? Кто-нибудь объяснит мне, что происходит? – сложив руки на груди, произносит Эбигейл, пока мы и в самом деле как два придурка стоим у гаража, пристально смотря на нее.

Переглянувшись с Эштоном и увидев его уверенный кивок, нажимаю кнопку на пульте, и гаражная дверь поднима-

ется, открывая нашему взору потрясающий лазурный «Форд Мустанг» 1967 года.

Вам стоит кое-что узнать обо мне: помимо хоккея, мне нравятся автомобили. Редкие, коллекционные произведения искусства. И одно из них Эштон сейчас вручит своей сестре. Утром я пригнал эту малышку из мастерской своего друга Рекса, где ее приводили в порядок.

Как бы сильно мне ни хотелось стоять и любоваться автомобилем, я отрываю от него свой взгляд и смотрю на Эбигейл. Ее светло-голубые глаза сияют, а губы приоткрыты от удивления.

– Он твой, – едва слышно произносит Эштон, повернувшись к Эбигейл.

– Что, прости?

– Я купил его тебе. И прежде чем ты скажешь, что я не должен был этого делать, поспешу напомнить, сколько всего ты сделала для меня за последние два года. Я просто захотел купить его для тебя, – пожимает плечами здоровяк. – Он твой.

– Я... ты... – Эбби смотрит на него удивленными глазами, а затем подбегает и крепко обнимает. – Спасибо! Если ты таким образом хотел разжалобить меня, чтобы я снова вернула твое имя в завещание, то, считай, у тебя получилось. Где ты его раздобыл?

Эштон смеется и произносит:

– Поблагодари Рида, это его рук дело.

Мне становится неловко, что он приписал мне какие-то заслуги, но я забываю об этом, стоит только Эбигейл подойти ко мне.

– Спасибо, – шепчет она, легко касаясь своими губами моих, пока ее брат не видит нас.

О господи!

– Не могу поверить! – радостно восклицает она, разглядывая и изучая каждый дюйм автомобиля.

Я тоже не могу поверить. Она и в самом деле только что поцеловала меня?!

– Ну-у-у, вы так и будете стоять? Давайте же скорее ключи! – нетерпеливо кричит она, при этом прыгая на месте.

От этого зрелища мои губы расплзаются в широкой улыбке. Ни разу в жизни не встречал девушку, у которой «Мустанг» с механической коробкой передач вызвал бы такую реакцию. Ни разу до этого дня. Практически любая девушка была бы счастлива получить «Мазерати» с откидным верхом или «Бугатти». Но Эбигейл Уильямс снова удивляет меня. Она необыкновенная.

Эштон, широко улыбаясь, протягивает ей ключи. Блонди аккуратно открывает автомобиль и садится на водительское сиденье.

– Ну привет, Каспер, теперь ты будешь жить у меня.

– Каспер? – недоуменно переспрашиваю ее я, забираясь назад.

– Я люблю давать клички автомобилям. Этот – вылитый

Каспер! Только взгляни! – радостно сообщает Эбигейл, заставляя меня улыбнуться, а затем продолжает: – Я тебя не обижу, крошка, даю слово скаута. Ты и я против целого мира.

– Ты серьезно разговариваешь с автомобилем, будто он тебя слышит? – спрашивает усевшийся справа от сестры Эштон.

Эбби кидает на него грозный взгляд, а затем гладит руль «Мустанга».

– Ш-ш, извини, Каспер, не слушай этого сноба, он гоняет на безвкусном «Халк-мобиле», поэтому откуда ему вообще знать, что у тебя есть сердце, которого у него самого, кстати, нет. Бесчувственный, – тихо произносит Эбигейл, вызывая у меня смех. – Если вдруг он тебя еще раз обидит, то можем переехать его, я совсем не возражаю.

– Эй, это же я купил его тебе!

– Я уже поблагодарила тебя, лишив фонд борьбы с импотенцией кругленькой суммы. Мы в расчете!

Эштон запрокидывает голову и смеется.

– Тебе нравится?

– Он потрясающий! – Эбигейл с любовью смотрит на «Мустанг» и ослепительно улыбается.

Глава 9

GRANDSON – BLOOD // WATER

Эбигейл

Вернувшись с местного фермерского рынка, где мы купили все необходимое для приготовления итальянской лазаньи с баклажанами, моего фирменного блюда, я поднимаюсь в свою спальню, чтобы переодеться.

Хватаю первые попавшиеся вещи из чемодана, ведь у меня совершенно нет времени разбирать его, учитывая, что на часах уже половина десятого, а мне еще предстоит заняться ужином. Надеваю хлопковые розовые штаны и короткий розовый топ на бретельках, лежащие сверху в чемодане, и спускаюсь на кухню, где помимо Эштона и Рида, облокотившись на островок, стоит высокий, широкоплечий, темноволосяный парень в белой майке. Рид, перекладывающий купленные продукты в холодильник, замечает меня и говорит:

– Крошка Эбс, познакомься, это Рекс, мой друг детства. Без него твой «Мустанг» не выглядел бы так прекрасно.

Друзья Каспера – мои друзья. Пристально смотрю на Рекса, и тот выпрямляется, внимательно изучая меня карими глазами.

– Только не заменяй слово «спасибо» поцелуем, каким благодарила меня, – весело произносит Рид, тем самым заставляя меня ошарашенно уставиться на него.

Жаль, что я не могу силой мысли отдать этому голубоглазому идиоту приказ заткнуться.

Поворачиваюсь к Рексу и, мило улыбаясь, произношу:

– А расскажи, каково это – всю жизнь терпеть этого придурка? Ты, наверное, не вылезает из кабинетов психологов?

Рекс запрокидывает голову и громко смеется, косясь при этом в сторону Рида, который достает из холодильника бутылку эля²⁶ и протягивает ему.

– Рад наконец познакомиться с тобой, Эбигейл.

– Можно просто Эбби, – продолжая улыбаться, произношу я.

– А мне ты не говорила, что я могу тебя так называть, – нахмурившись, говорит Рид.

– Потому что ты с самого начала придумал мне какие-то идиотские прозвища вроде «Блонди» или «крошка Эбс».

– Они не идиотские.

– Идиотские. – Эштон пронзает Рида гневным взглядом и протягивает мне прямоугольную форму для выпечки и уже нарезанные баклажаны. Я усмехаюсь и с благодарностью смотрю на своего брата.

Лазанья – наше семейное блюдо. И Эштон умеет готовить

²⁶ Эль – темное пиво.

ее не хуже меня, но всегда приbedняется и говорит, что именно я делаю ее такой вкусной.

Когда я была на очередном чемпионате Европы в Тосканской провинции, мы с ним и Лизой вместе посетили один ресторанчик, хозяин которого поделился с нами секретами приготовления своей фирменной лазаньи болоньезе с баклажанами. Так что все мы частенько коротали вечера за ее приготовлением. Думаю, я могу сделать ее даже с закрытыми глазами, настолько у нас уже все отработано.

– Итак, Эбби, ты надолго в Лос-Анджелес? – интересуется Рекс, делая глоток пива, пока я чищу чеснок и ставлю сковороду на плиту.

– Пока что на год, а дальше будет видно.

– Так значит, с фигурным катанием покончено?

– Покончено. – Тяжело вздыхая, наливаю немного масла на сковороду и опускаю в него половинки долек чеснока. Затем беру фарш и добавляю к чесноку, чтобы обжарить.

– Мне жаль. Говорят, что на льду ты была хороша...

– Горяча. Я говорил, что на льду она была горяча, – влезает в наш разговор Рид, открывающий бутылку пива.

Я поднимаю голову и недовольно смотрю на него. В его небесных глазах веселятся чертики. Неужели он не может держать рот на замке хотя бы сейчас, когда здесь его друг и мой брат?

– Ты же в курсе, что я стою в метре от тебя и все слышу? – сурово произносит Эштон, продолжая при этом опускать ли-

сты лазаньи в кастрюлю с кипящей водой.

Рид беззвучно извиняется. Я поворачиваюсь к Рексу и произношу:

– Ближайшие три месяца я буду сниматься в телешоу «Ледяные танцы», так что у тебя еще будет возможность лицезреть меня на льду.

– С удовольствием... – говорит Рекс.

– Рекс не любит фигурное катание, – перебивает его Рид и направляется ко мне. – Тебе помочь с соусом, Эбби? – спрашивает он раздражающе-приторным голосом.

Бесит!

– Продолжишь в том же духе, и я посыплю твой кусок лазаньи ядом.

– Этого не будет, ведь мы уже выяснили, что я тебе нравлюсь, – тихо говорит Рид мне на ухо, наклонившись так близко, что его парфюм с ароматом цитруса полностью окутывает меня. На мгновение я закрываю глаза, наслаждаясь этим запахом.

Черт возьми, жить с ним в одном доме целый год будет гораздо сложнее, чем я себе представляла. Он сводит меня с ума.

– Нет, – наконец выдаю я.

– Лгунья.

– Ты мне не нравишься!

– Ага. Я тоже постоянно целую людей, которые мне не нравятся.

Когда я, шумно выдохнув, открываю глаза, Рид облокачивается на столешницу слева от меня и самодовольно усмехается:

– Так чем тебе помочь?

Ну что за кретин!

– Можешь пока очистить томаты и измельчить их в блендере.

– Очистить, в смысле вырезать вот эти зеленые штуковины?

– Ты умеешь готовить, Рид? – сдерживая смех, произношу я.

– Ага, гранолу с йогуртом или хлопья с молоком, – издает смешок Рекс.

– Вообще-то, я могу приготовить много разных блюд.

– Что, правда? За двадцать лет, что мы знакомы, я ни разу не видел тебя у плиты. Ты просто так охренительно хорошо скрывал этот навык от меня или как?

Больше не в силах сдерживаться, я начинаю громко смеяться.

– Накрой пока на стол, пожалуйста, – сквозь смех вежливо прошу я. – Справишься?

– Ха, ха. Оборжаться, – бубнит Рид и достает с верхней полки тарелки.

Сорок минут спустя мы садимся за стол. За это время я успела приготовить тройную порцию лазаньи, панцанеллу²⁷

²⁷ *Панцанелла* – итальянский салат.

и пару десятков брускетт с вялеными томатами, чоризо и рубленными томатами с базиликом.

– Все выглядит чертовски вкусно! – восклицает Рид и пробует кусочек лазаньи. – Мммм... Это божественно!

Боже мой, почему мне стало так жарко от мычания этого блондинчика?!

– У меня были мысли по поводу сдачи Эбби в сексуальное рабство, но я согласен взять плату едой.

– Никогда не упоминай слова «Эбби» и «сексуальное» в одном предложении, пока мы находимся в одной комнате, – морщась, произносит Эштон.

– Где ты научилась так превосходно готовить безглютеновую еду, Эбби? – интересуется Рекс.

– Годы жизни с братом-хоккеистом, – пожимаю плечами я и решаю перевести тему: – Рекс, а как ты оказался в Лос-Анджелесе? Рид упомянул, что ты друг детства, а он из Квебека, значит, и ты оттуда?

Рид замирает с ложкой в руке и бросает на меня странный взгляд, а затем продолжает накладывать в свою тарелку салат, пристально глядя на меня своими голубыми глазами.

– А ты внимательная, – улыбается Рекс. – После развода родителей мы с матерью перебрались сюда. Так что Рид и я оказались здесь примерно в одно время.

– И ты... чинишь машины?

– Не совсем, у Рекса своя автомастерская премиальных автомобилей, – произносит Рид, продолжая пронзать меня

своим тяжелым взглядом. В его тоне мне слышится холод, и я не могу понять почему. Ему не нравится, что я интересуюсь Рексом? Все мои вопросы продиктованы элементарной вежливостью.

– Да, мы занимаемся тюнингом автомобилей премиум-сегмента, а также подбором автомобилей под определенные запросы. Часто ко мне обращаются известные люди, которые нуждаются в полной конфиденциальности.

– Это как?

– Ну, например, если нужно приобрести машину для любовницы втайне от жены. Или же просто необходимо во что бы то ни стало заполучить определенный автомобиль на аукционе, чтобы при этом не светить нигде свое имя.

– Кстати, что там с моим мотоциклом? – неожиданно спрашивает его Эштон.

– Ты решил снова сесть на мотоцикл? – удивляюсь я.

– Возможно, – уклончиво отвечает мой брат, пока я в изумлении на него смотрю.

– Пока ничего. Как будет информация, я сразу дам тебе знать.

После случая с Лизой мой братец не прикасался к мотоциклам. Хотя до двадцати трех лет он только и делал, что ездил на них и даже ни разу не водил автомобиль. Так что он и в самом деле очень удивил меня только что.

Остаток вечера пролетает незаметно. Мы болтаем о начале хоккейного сезона, о новом фильме со Стэйтемом, вы-

шедшим вчера в прокат, о сестре Рида, которая перебирается сюда, в Лос-Анджелес, и о моих предстоящих телевизионных съемках в шоу про фигурное катание. Весь вечер я чувствую себя невероятно счастливой и умиротворенной, будто я впервые после смерти Лизы нахожусь в нужном месте.

Если бы у меня была возможность поменять дар, я бы хотела стать обладателем суперспособности воссоздавать день сурка, чтобы этот вечер повторялся вновь и вновь.

Глава 10

SAM TINNESZ – LEGENDS ARE MADE

Эбигейл

Меня будит яркий свет лучей восходящего солнца, озаряющий спальню сквозь высокие французские окна. Тянусь к телефону, лежащему на тумбочке справа от кровати, – двадцать минут седьмого, то есть через два с половиной часа мне необходимо быть в ледовом дворце, чтобы приступить к съемкам в телевизионном шоу «Ледяные танцы». С тяжелым вздохом бросаю айфон рядом с собой и устремляю взгляд к белому потолку.

Господи боже, до сих пор не верю, что я действительно сделаю это.

Издав великомученический стон, заставляю себя сесть, любуясь открывающимся из окна видом на завораживающий океан, в котором так ярко отражаются солнечные блики. Как бы сильно мне ни хотелось провести в этой роскошной кровати огромных размеров весь день, нужно вставать.

Поднимаюсь с постели и подхожу к окну, наблюдая за спокойной гладью воды, не имеющей конца, а затем, в очередной раз отчаянно вздохнув, направляюсь в ванную, где при-

нимаю контрастный душ. Вытираюсь полотенцем на ходу и открываю чемодан, чтобы найти тренировочную форму и коньки.

Вчера у меня так и не было возможности разобрать вещи, потому что наш ужин затянулся до глубокой ночи. Так что на поиски необходимого у меня уходит целых пятнадцать минут. Складываю вещи в свою спортивную сумку, надеваю розовое короткое шелковое платье-комбинацию и иду на кухню, где готовлю парням омлет и овсяную кашу с сухофруктами и орехами.

За шесть лет, что мы живем вдвоем с братом, я узнала о питании все. Серьезно, я могу дать фору любому диетологу и нутрициологу. Конечно, я и сама ответственно подхожу к своему рациону, но количество съедаемой мною пищи примерно в двадцать раз меньше того, что поглощает Эштон. Клянусь, его метаболизм просто не знает границ. Иногда у меня складывается впечатление, что мамонты не вымерли. Они вселились в тела хоккеистов.

Приготовив для парней завтрак, которым можно было бы накормить целое африканское племя, и на ходу жуя банан, выбегаю из дома, потому что на часах уже почти восемь.

Когда дверь гаража поднимается, мое сердце стучит в бешеном ритме. Не могу поверить, что братец и в самом деле купил Каспера для меня. Я знаю, что он может позволить себе приобрести даже гребаный небоскреб, если захочет, ведь Эштон – лучший защитник НХЛ, который зараба-

тывает примерно дохреналион долларов в год.

Дело не в том, что он купил мне машину, ведь я не могу сказать, что ощущаю какой-то трепет при виде классических автомобилей. Просто Эштон запомнил – именно эта малышка каким-то невероятным образом заняла особое место в моем сердечке. Однажды, когда его жена еще была жива, мы все вместе поехали в Техас на выставку автомобилей, где мне посчастливилось посидеть за рулем такого же «Мустанга». С тех пор прошло два года, наши жизни перевернулись с ног на голову, но Эштон сохранил это воспоминание о нашей последней совместной поездке и моей неожиданной любви к этому автомобилю цвета океана.

Хоть и говорят, что счастье не купишь за деньги, брату это удалось. Момент, когда я сажусь за руль этой крошки, делает меня чуточку счастливее.

Вы не представляете, как сильно я хочу, чтобы и Эштон наконец-то был счастлив. Он молод, красив, богат, невероятно умен и силен. Многие девушки отдали бы все, что угодно, чтобы удостоиться его внимания. Но он святой. Да, мы с ним не обсуждаем такие темы, но я знаю, что после Лизы он ведет себя как монах. А ведь прошло уже два года.

Прерываю свои размышления, подъезжая к крытому паркингу ледового дворца «Иглз-центр». Гигантское круглое здание, полностью выполненное из стекла, является домашней ареной для хоккейного клуба «Орлы Лос-Анджелеса», а также предоставляет в аренду несколько малых арен, одну из

которых на ближайшие три месяца и снял телеканал ESPN для проведения съемок «Ледяных танцев».

Припарковав Каспера, по указателям спешно следуя к лифту. Едва успеваю сделать несколько шагов в нужном мне направлении, как меня чуть не сбивает с ног красная «Феррари».

Мысленно кричу придурку за рулем, чтобы он смотрел, куда едет.

Почему мысленно?

Ну, во-первых, он уже априори придурок, а потому вряд ли мои слова вдруг заставят его научиться водить. А во-вторых, утром я не учла дурацкий трафик Лос-Анджелеса, так что мне нужно поторопиться. Я безбожно опаздываю, и у меня нет лишней секунды на разборки.

На панорамном стеклянном лифте поднимаюсь на третий этаж дворца, который, несмотря на столь ранний час, переполнен людьми. Получив на ресепшине пропуск спортсмена и отыскав свою раздевалку, переодеваюсь в тренировочную форму и направляюсь на лед, где меня встречают постановщик номеров Джеймс и главный тренер шоу Луиза, перед которыми я сразу же извиняюсь за свое десятиминутное опоздание. Моника, мой агент, уже просветила меня о моих обязанностях в шоу и прислала на почту все необходимые для подписи документы, так что мы с тренерским составом не тратим время на обсуждение формальностей, а переходим сразу к делу.

Сегодня наша первая и единственная тренировка, которая пройдет без видеосъемки. Но от этого мне ни капельки не легче. Я уверена, что мое стремительно колотящееся в груди сердце в сейчас слышно даже за пределами ледового дворца.

Мы с вами уже довольно долго знакомы, так что я должна вам признаться: я мазохистка.

Как иначе объяснить то, что такой мизантроп, как я, подписался на трехмесячное участие в съемках телешоу?

Спустя пятнадцать минут вальяжной походкой к бортику направляется версия Джастина Бибера с «Алиэкспресса», в которой я узнаю прикурка, едва не сбившего меня на подземной парковке около получаса назад.

Фантастика!

Тиджей Морган – популярный двадцатисемилетний поп-исполнитель, ставший известным не столько из-за успешного сотрудничества с лейблом Heart Media Group, сколько из-за скандалов за езду в нетрезвом виде и многочисленных подружек-моделей. Тиджей – последний холостяк телевизионного одноименного шоу. Его послужной список устремлен к бесконечности и может составить конкуренцию даже Леонардо Ди Каприо.

Можно сделать вывод: поет Морган неплохо, но, судя по всему, пьет и трахается куда лучше.

– Тиджей, это Эбби. Эбби, это Тиджей. В ближайшие три месяца вы будете взаимодействовать как единый организм, – представляет нас друг другу Луиза.

– Хэй, детка, ты не ушиблась, падая с небес на землю? – спрашивает высокий темноволосый недоумок, как только я протягиваю для рукопожатия руку, которую он берет своей, оставляя на моей слюнявый поцелуй.

Не язви, не язви, Эбби. Ты же, мать его, профессионал.

Подумай о чем-нибудь хорошем. Например, о том, как овладеваешь телекинезом и со зловещей улыбкой на губах подбрасываешь его в воздух, а затем со всей силой впечатываешь в лед смазливой мордашкой. Или как его гребаную машину угоняют кровожадные авантюристы, попутно выстрелив ему в яйца...

– Я не падала с небес, я восстала из ада, идиот! – Подхожу к нему ближе и шепчу на ухо: – Видишь вон ту дверь позади себя? Она открыта специально для того, чтобы ты свалил отсюда. Не благодари.

Ха, вы же не думали, что я засуну язык в задницу при общении с этим олухом?

Ладно, не нужно меня критиковать, я не сужу человека по обложке. Да, он выглядит так, словно по утрам расцеловывает свои бицепсы, но подонок он по причине получасового опоздания и отвратительного стиля вождения.

Так что обойдемся без ваших нотаций.

– Уйти прежде, чем произойдет слияние наших тел? Ни за что! – Морган самодовольно ухмыляется и вслед за мной выходит на лед, где на протяжении следующих трех часов больше катается его смазливое личико, нежели обутые в коньки

ноги.

Господи боже, эта тренировка поистине восхитительна! Гораздо интереснее, чем я могла себе представить. Как жаль, что нас никто не снимает, мне бы хотелось воспроизводить моменты встречи его мордашки со льдом вновь и вновь.

– Думаю, у меня есть потенциал, – неожиданно говорит Тиджей, поднимаясь со льда после очередного падения.

– Правда? И как долго ты собираешься его прятать?

Говнюк запрокидывает голову и смеется.

– Дьявол, твоя дерзость так возбуждает, – заявляет он, заставляя меня вскинуть брови от удивления.

– Учитывая список твоих любовных походов, тебя возбуждает все, что дышит.

– Меня возбуждает, что ты навела обо мне справки, детка.

– В этом мире вообще есть хоть что-нибудь, что не возбуждает тебя? – закатив глаза, задаю риторический вопрос.

– Да. Животные! – морщится он, а затем принимается перечислять дальше: – Дети. Мужчины. Мертвые животные, дети и мужчины...

– На сегодня закончили! – громкая реплика тренера прерывает нашу перепалку, что заставляет меня выдохнуть и пулей отправиться в сторону раздевалки.

Это будет хуже, чем я себе представляла.

Гораздо хуже.

Глава 11

THE SCORE – CAN YOU HEAR ME NOW

Эбигейл

Два часа спустя паркую свой автомобиль в гараже Рида и, чертовски злая, большими шагами следую к парадному входу.

Итак, через четыре дня у нас начинаются съемки, через три недели у нас первое показательное выступление, а Тиджей едва ли может проехать ровно на протяжении хотя бы пары секунд. Я довольно часто проводила мастер-классы для детей, так что по своему опыту могу сказать, что Морган безнадёжен. И это, в совокупности с его нарциссизмом, до чертиков раздражает.

Бросив тренировочную сумку в холле, следую на кухню в надежде найти что-то съедобное, вспоминая, что за весь день съела только один несчастный банан.

На минутку позволяю себе полюбоваться просторной светлой деревянной кухней с большим белым окном прямо над раковиной, сквозь которое пространство озаряется ярким солнечным светом. Сейчас окно приоткрыто, и легкий ветерок проникает на кухню вместе с шумом океана, волны

которого сияют в свете солнечных лучей. Посреди кухни расположен небольшой прямоугольный деревянный островок с мраморной столешницей, на котором нет ничего лишнего – только набор ножей в дубовой подставке и несколько досок из дерева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.